

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ПИТЕР УОТТС

МОРСКИЕ ЗВЕЗДЫ

ОТ АВТОРА «ЛОЖНОЙ СЛЕПОТЫ»

Звезды научной фантастики

Питер Уоттс

Морские звезды

«АСТ»

1999

УДК 821.111
ББК 84(7 Кан)

Уоттс П.

Морские звезды / П. Уоттс — «АСТ», 1999 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-105894-4

Цивилизация покоится на плечах изгоев. И когда ей нужен кто-то, чтобы управлять энергостанциями, расположенными на глубине трех километров в Тихом океане, она ищет особых людей для программы рифтеров. Тех, кто приспособлен к опасной окружающей среде, тех, кто настолько привык к травмам и хроническому стрессу, что жизнь на краю подводного вулкана станет для них облегчением. Но среди утесов и впадин хребта Хуан де Фука есть вещи, которые никто не ожидал найти, а достаточное количество давления даже привычную ко всему жертву превратят в человека, сделанного из стали. Но когда наверху понимают, что случилось, изгой и отверженные уже держат в руках тайну, способную погубить весь мир.

УДК 821.111
ББК 84(7 Кан)

ISBN 978-5-17-105894-4

© Уоттс П., 1999
© АСТ, 1999

Содержание

Прелюдия: Церациус[1]	6
Бентос[5]	12
Дуэт	12
Констриктор[6]	12
Ниша	21
Уборка дома	34
Рим	38
Неотения[13]	38
Лифтер	44
Сокрушение	48
Автоклав	52
Водоносный слой	54
Двойник	58
Ангел	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Питер Уоттс

Морские звезды

STARFISH ©1999 by Peter Watts

BETHLEHEM ©1996 by Peter Watts

COLLATERAL ©2014 by Peter Watts

© Николай Кудрявцев, перевод, 2018

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Прелюдия: Церациус¹

Бездна заставит тебя замолчать.

Солнечные лучи не касались этих вод миллионы лет. Атмосферы нарастают здесь сотнями, впадины, не подавившись, проглотят дюжину Эверестов. Говорят, сама жизнь зародилась на глубине. Возможно. Если судить по кошмарному облику чудовищных тварей, изуродованных хроническим голоданием и давлением в кромешной тьме, роды эти были не из легких.

Даже внутри железного корпуса бездна нависает над тобой соборным сводом. Здесь не место для пустой болтовни. Если открываешь рот, то говоришь вполголоса. Но туристам на это явно наплевать.

Джоэл Кита привык к тому, что слышит дыхание скафа, его речь из щелчков и вздохов. Джоэлу нужны эти звуки; датчики лишь подтверждают то, что уже рассказало ворчание в желудке у зверя. Но «Церациус» – это прогулочное судно с хорошей звуковой изоляцией: большая кабина, откидные кушетки, дозаторы напитков и наркотиков, встроенные в спинку каждого сиденья. Сегодня Джоэл слышит только болтовню груза.

Кита оглядывается через плечо. Гид, индианка лет двадцати пяти с прической под зебру – некая Притила, – сверкает в его сторону еле заметной, печальной улыбкой. Она – реликт и прекрасно знает об этом. Не соперница библиотеки на борту и не идет в комплекте с 3D-анимацией и обволакивающим саундтреком. На самом деле гид – просто бутафория. Туристы платят ей не за действия, а за то, что она не делает ничего. Какой смысл быть богатым, если покупаешь только самое необходимое?

Их восемь. Старик с бандажом, явно готовящийся разменять первое столетие, играет с настройками камеры. Остальные надели шлемофоны, запустив программу, задуманную, чтобы туристы не томились во время погружения, но и не слишком удивлялись, не то настоящая цель путешествия обернется полным разочарованием. В наше время эта грань столь тонка. Симуляции почти всегда выходят лучше реальной жизни, и та вечно получает пинки за плохое шоу.

Джоэлу хочется, чтобы клиенты скучали поменьше; тогда бы они заткнулись. Скорее всего, им абсолютно наплевать, так ли уж достойны монстры из моря Чэннера поднятой вокруг них шумихи. Бездна этим людям не интересна, она даже не ужасает их, просто путешествие сюда стоит дорого.

Кита окидывает взглядом пульт управления. Даже тот выглядит избыточным: добрую половину занимают климат-контроль и развлекательные программы. От скуки он выбирает наугад одну и отправляет на экран главного дисплея.

С помощью чудес современной анимации на экране оживает ксилография XVIII века. Грубо вырезанные щупальца обвивают мачты галеона, затягивая его под маленькие деревянные волны. Женский голос, спроектированный так, чтобы максимально привлекать внимание обоих полов, начинает рассказ: «Мы всегда населяли моря чудовищами...»

Джоэл отключается от трансляции.

Сзади подходит мистер Бандаж и фамильярно кладет руку ему на плечо. Пилот еле справляется с желанием ее стряхнуть. Еще одна проблема с этими экскурсиями на глубину: нет кокпита, только панель управления перед пассажирским отсеком. От груза не спрячешься.

– Как у вас тут все сложно, – говорит мистер Бандаж.

¹ ¹ Название судна происходит от названия вида церациумов, рода динофлагеллятов, различных панцирных жгутиконосцев, обитающих как в пресных, так и в морских водах. Морские виды церациумов живут временными колониями-цепочками. Их длинные отростки представляют собой приспособление к планктонному образу жизни. Они увеличивают поверхность тела, что способствует «парению» в воде. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Джоэл напоминает себе о профессиональных обязанностях и улыбается.

– Ты этим уже давно занимаешься?

Кожа неприкасаемого сияет золотым загаром культивированных ксантофиллов². Улыбка Джоэла становится немного натянутой. Естественно, он слышал обо всех плюсах этих пигментов: защита от ультрафиолета, повышенное содержание кислорода в крови, увеличение энергии. Говорят, они даже снижают потребность в еде, хотя, конечно, люди, способные позволить себе такое, явно не страдают от нехватки средств. Тем не менее, на вкус Джоэла, это выглядит откровенно уродливо. Имплантаты должны делать из мяса или, по крайней мере из пластика. Если бы люди занимались фотосинтезом, они бы рождались с листьями.

– Я спросил...

Пилот кивает:

– Уже пару лет.

Клиент хмыкает:

– А я не знал, что «Глубинные сафари» – такая старая компания.

– Я не работаю на «Глубинные сафари», – объясняет Джоэл настолько вежливо, насколько может. – Я – фрилансер.

Неприкасаемый, возможно, и не знает, что это такое, он же из поколения, когда все клялись в верности одному хозяину год за годом. Тогда никто не думал, что идея-то не очень.

– Хорошо тебе. – Мистер Бандаж отечески похлопывает его по плечу.

Джоэл закладывает руль на левый борт. Сейчас они проходят около юго-восточного рукава рифта³, прожекторы погашены; на сонаре невыразительный пейзаж из ила и валунов. Сам разлом в пятидесяти минутах пути. На экране турпрограмма вещает о гигантских кальмарах, атаковавших спасательные шлюпки во время Второй мировой войны, и выкатывает целый парад архивных фотографий: человеческие ноги, сморщенные от конических ран размером с кулак там, где присоски в роговой оправе выдрали куски плоти.

– Омерзительно. А мы увидим гигантских кальмаров?

Джоэл качает головой:

– Это на другой экскурсии.

Электронный гид все бормочет, перечисляя глубоководные ужасы: показывает кусок мяса, найденный во Флориде, судя по нему, где-то на Земле жил осьминог диаметром тридцать метров. Огромные угреобразные личинки. Гипотетические монстры, которые когда-то охотились на больших китов, а потом вымерли в неизвестности от недостатка еды.

Джоэл понимает, что девяносто процентов рассказа – полная чепуха, а десять не имеют отношения к экскурсии. Даже гигантские кальмары не ныряют по-настоящему глубоко: да никто не ныряет, на самом деле. Нет еды. Джоэл ковыряется тут годами, а никаких настоящих монстров до сих пор не видел.

Ну, если не считать вот этого места, естественно. Он переключает ручку управления. Снаружи высокочастотный громкоговоритель принимается ныть в бездну.

– Гидротермальные источники кипят в зонах разбрасывания⁴ всех мировых океанов, – тараторит программа, – питая скопища гигантских моллюсков и кольчатых червей длиной

² *Ксантофиллы* – растительные пигменты каротиноидной группы, главная часть желтых пигментов в цветах, плодах и листьях. Способны поглощать энергию солнечного света, участвуют в процессе фотосинтеза.

³ *Зона разбрасывания* – тектоническая зона, находящаяся между двумя тектоническими плитами, движущимися по направлению друг от друга, где новый слой земной коры формирует магма, пробивающаяся близко к поверхности между двумя плитами.

⁴ *Рифт* (англ. rift, буквально – трещина, разлом) – крупные линейные тектонические структуры земной коры протяженностью в сотни километров, образованные при ее горизонтальном растяжении, обычно происходящем на фоне обширного сводового поднятия. Предполагается, что земная кора растягивается по всей толщине или значительной ее части. Рифт состоит преимущественно из серии разрывов, среди которых преобладают сбросы с наклонной поверхностью и со смещением участка коры, лежащего выше этой поверхности, вниз.

более трех метров. – Материал из фильмотеки с портретами местных обитателей. – Тем не менее даже в зонах разбрасывания до гигантских размеров вырастают только фильтраторы и организмы, питающиеся донным илом. Рыб, позвоночных, как и мы, немного, они очень редки, а в длину достигают всего лишь пары сантиметров.

На экране слабо извивается бельдюга, больше похожая на отрезанный палец, а не на живое существо.

– Но только не здесь, – добавляет программа после драматической паузы. – Ибо есть что-то необычное в этой крохотной части хребта Хуан де Фука, что-то непонятное, необъяснимое. Здесь водятся настоящие драконы.

Джоэл нажимает еще одну кнопку. Оживают внешние прожекторы-приманки, работающие в биолюминесцентном спектре, свет в кабине меркнет. Специально для обитателей рифта, привлеченных акустическим сигналом, посреди лучей появляется целый косяк промысловой рыбы.

– Мы не знаем тайн источника Чэннера. Мы не знаем, как он создает этих странных и завораживающих гигантов. – Экран с картинкой программы темнеет. – Мы знаем только то, что здесь, на склоне Осевого вулкана, мы обнаружили монстров в их собственном логове.

Что-то ударяется о корпус скафа. От эха в пассажирском отсеке звук кажется невероятно громким.

Наконец туристы затыкаются. Мистер Бандаж что-то бормочет себе под нос и отправляется на место, суетящийся огромный хлоропласт.

– Вводная часть экскурсии подошла к концу. Внешние камеры связаны с вашими шлемофонами и управляются обыкновенными движениями головы. Сфокусируйтесь и записывайте происходящее, используя джойстик в правом подлокотнике. Вы также можете наслаждаться видом через иллюминаторы вашего корабля. Если вам понадобится помощь, пилот и гид всегда к вашим услугам. Компания «Глубоководные сафари» приветствует вас в источнике Чэннера и надеется, что оставшаяся часть экскурсии вам понравится.

Еще два удара. Серая вспышка в переднем иллюминаторе; волнистое брюхо, на секунду пойманное прожектором, завиток плавника. Иконки внешних камер на панели управления наклоняются и крутятся.

Никому не нужная Притила проскальзывает в кресло второго пилота.

– Что там снаружи? Обычная массовая истерия? Все друг друга жрут?

Кита почти шепчет:

– И здесь. И там. Какая разница-то?

Она улыбается, безопасно и безмолвно соглашаясь. У нее прекрасная улыбка. Почти отвлекает внимание от полосатой прически. Джоэл замечает какой-то рисунок на внутренней стороне ее левой руки: похоже на татуировку беженки, хотя он почему-то сомневается, что штука подлинная. Скорее всего, просто дань моде.

– Уверена, что они без тебя обойдутся? – с иронией спрашивает он.

Она оглядывается. Груз опять болтает: «Посмотри на это», «О, да эта хрень об нас зубы поломала», «Боже, ну они и уродливые...»

– Справятся, – отвечает индианка.

Что-то маячит по ту сторону иллюминатора: рот, как мешок с иголками, из него свисает щупальце, оканчивающееся светящимся шаром. Пасть раскрывается так широко, что челюсти чуть ли не выходят из суставов, потом резко захлопывается. Зубы бесцельно скользят по стеклу. Плоский черный глаз заглядывает внутрь.

– Это что такое? – интересуется Притила.

– Ты у нас гид.

– Ничего подобного в жизни не видела.

– Я тоже. – Джоэл посылает электрический разряд на корпус скафа.

Монстр, ошеломленный, исчезает в темноте. Периодические столкновения с местной фауной эхом разносятся по «Церациусу», груз каждый раз ахает.

– А мы далеко от Чэннера?

Джоэл смотрит на дисплей:

– Почти добрались. Горячая трещина средних размеров где-то в пятидесяти метрах слева.

– А это что?..

На экране появляется ряд ярких точек, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга.

– Топографические столбы. – За первым проступает следующий. – Для геотермальной программы, ты же в курсе, да?

– Может, быстренько доплывем до них? Уверена, эти генераторы впечатлят туристов.

– Сомневаюсь, что их уже успели поставить. Только фундамент закладывают.

– Ну все равно, это приятно разнообразит экскурсию.

– Мы не должны отклоняться от курса. Можем огрести по полной, если там кто-то есть.

– И?.. – Снова эта улыбка, на сей раз более просчитанная. – Там кто-нибудь есть?

– Скорее всего, нет, – признаёт Джоэл. Стройку заморозили на пару недель, и простой его ужасно раздражает; если власти из Энергосети наконец поднимут свои корпоративные задницы и доведут до конца то, что начали, у него будет несколько очень жирных контрактов.

Притила смотрит на него выжидающе. Джоэл пожимает плечами:

– Там очень нестабильно. Может тряхнуть.

– Опасно?

– Зависит от того, что ты под этим подразумеваешь. Скорее всего, нет.

– Ну так давай, поехали. – Притила заговорщицки гладит его по плечу и быстро убирает руку.

«Церациус» ложится на новый курс. Джоэл выключает приманки и врубает прощальный, скрежещущий выплеск акустики. Чудовища снаружи – те, кто еще не уплыл грациозно, собрав крохотным рыбьим мозгом, что металл несъедобный, – в панике кидаются во мрак, сверкая боковыми линиями. Груз на секунду замолкает от удивления. В образовавшуюся паузу мягко вступает Притила Как-ее-там:

– Друзья, мы с вами немного изменим маршрут и увидим новых гостей рифта. Если вы подключитесь к данным, поступающим с сонара, то заметите, что мы приближаемся к полю акустических маяков. Руководство Энергосети установило их здесь в ходе строительства одной из новых геотермальных станций, о которых мы все, разумеется, слышали. Как вы можете знать, подобные проекты сейчас запущены в зонах разбрасывания от Галапагосов до Алеутских островов. Когда их запустят, здесь, на рифте, будут постоянно жить люди...

Джоэл не может в это поверить. У Притилы появился прекрасный шанс обскакать библиотеку, но она говорит точь-в-точь как программа. Джоэл тихо прощается с мечтами, которые еще недавно лелеял в среднем мозге. Даже если гид в своем фантастически выглядящем комбинезоне попадет сейчас в его эротическую фантазию, то, скорее всего, и там начнет весело и в деталях проводить экскурсию.

Он переключается на внешние камеры. Ил. Еще ил. На сонаре к скафу медленно ползет монотонным созвездием сеть.

Что-то подхватывает «Церациус», разворачивает. Термисторы на корпусе выдают краткий пик.

– Термальный источник, друзья, – объявляет Джоэл через плечо. – Ничего страшного.

По правому борту возникает размытое солнце медного цвета. Это всего лишь светильник на шесте, маркер территории, сражающийся с бездной при помощи натриевой лампы и

низкочастотного биения сердца. Руководство Энергосети пометило скалу для всех и каждого, говоря: «Это наша адская дыра».

Ряд башен убегает влево, каждая из них увенчана прожектором. С ним пересекается вторая линия, исчезающая вдаль, словно улица фонарей в ночи, отравленной смогом. Башни сияют над странным незаконченным пейзажем из пластмассы и металла. Огромные стальные ящики покоятся на дне, словно сошедшие с рельс товарные вагоны. Дистанционно управляемые подводные аппараты, похожие на капли, спят на лужицах пластика, настолько заледеневших, что теперь они тверже базальта. Трубы с острыми краями пробиваются сквозь застывшие поверхности пустыми костями, отпиленными прямо под суставом.

По левому борту что-то темное и мясистое нападает на свет.

Джоэл проверяет иконки камеры: все настроены на увеличение, направлены вверх и влево. Притила бережет кислород, прекращает тараторить, а неприкасаемые белорубашечники смотрят, не отрываясь. Прекрасно. Им хочется больше безмозглой рыбьей жестокости. Они ее получают. Скаф забирает вверх и влево.

Это морской черт. Он методично бьется о прожектор, не замечая приближения «Церациуса». Позвоночный столб извивается: приманка на его конце, сверкающая штука, похожая на червя, яростно мерцает.

Притила подходит к Джоэлу:

– А он, похоже, решил свернуть фонарь.

Она права. Вершина передатчика сотрясается под ударами огромной рыбы, что странно: несмотря на большие размеры, эти монстры довольно слабые. И если присмотреться, башня дрожит даже тогда, когда удильщик ее не касается...

– Твою мать! – Джоэл хватается за ручки управления.

«Церациус» встает на дыбы, словно живой. Свет прожектора исчезает за иллюминатором, сверху падает полная темнота, поглощая обзор. Груз начинает орать. Джоэл не обращает на туристов внимания. Со всех сторон доносится глухой нарастающий рев.

Джоэл врезает по газам. Скаф взмывает вверх. Что-то сильно задевает его сзади: корма виляет влево, утягивая за собой нос. Мрак за бортом неожиданно вспухает грязно-коричневыми пузырями, заметными в свете, идущем из кабины.

Термисторы показывают превышение нормы в два, три раза. Температура за бортом подскакивает с четырех градусов по Цельсию до двухсот восьмидесяти, а потом падает обратно. При меньшем давлении скаф уже рухнул бы в заработавший гейзер. Здесь же его только крутит, он скользит, пытаясь использовать тягу в перегретой воде.

Наконец ему это удается, и он выбирается в долгожданную ледяную воду. Рыбий скелет пируэтом проносится мимо иллюминатора, сплошные зубы и шипы, вся плоть выварена.

Джоэл бросает взгляд через плечо. Пальцы Притилы сомкнулись на спинке его кресла, костяшки цветом напоминают танцующие останки снаружи.

– Еще один термальный источник? – произносит она дрожащим голосом.

Кита качает головой:

– Дно вскрылось. Здесь поверхность тонкая. – Он нервно смеется. – А я тебе говорил, что может тряхнуть.

– Ага. – Она отпускает спинку сиденья. Отпечатки от пальцев остаются в пене. Склоняется, шепчет: – Свет в кабине включи поярче. Чтобы был нормальный гостиничный уровень... – А потом отправляется на корму, успокаивая груз: – Ну, это было захватывающе. Но Джоэл заверяет, что подобные небольшие прорывы случаются тут постоянно. Беспокоиться не следует, хотя они и могут застать врасплох.

Кита повышает уровень освещения в кабине. Груз сидит тихо, все еще прячась в шлемофонах, словно страусы в песке. Притила суетится вокруг, приглаживая им перышки.

– И, разумеется, впереди нас ждет большая часть экскурсии...

Джоэл увеличивает диапазон сонара, переключив его на корму. Светящийся шторм водоворотом кружится на тактическом дисплее. Под ним свежий хребет выступивших камней изуродовал строительную разметку Энергосети.

Притила снова садится рядом.

– Джоэл?

– Что?

– Говорят, там внизу будут жить люди?

– Угу.

– Здорово. А кто?

Он смотрит на нее.

– Рекламу видела? Пресс-релизы? Самые лучшие и самые умные. Они будут сражаться с вечным мраком и поддерживать огонь цивилизации.

– Джоэл, серьезно, ну кто?

Кита пожимает плечами.

– Да хер его знает.

Бентос⁵

Дуэт

Констриктор⁶

Когда на станции «Биб»⁷ гаснут огни, слышно, как стонет металл.

Лени Кларк лежит на своей койке и внимает. Над головой, за трубами, проводами и скорлупой корпуса, три километра черного океана хотят ее раздавить. Внизу рифт распарывает дно с силой, достаточной, чтобы сдвинуть целый континент. Кларк лежит здесь, в этом хрупком убежище, и слышит, как панцирь станции смещается по микрону, слышит, как слабо, чуть ли не за пределами человеческих возможностей, трещат его швы. На рифте Хуан де Фука бог – настоящий садист, и имя ему – физика.

«Как же меня уговорили? Зачем я сюда спустилась?»

Но она уже давно знает ответ.

Лени слышит, как Баллард выходит в коридор. Кларк ей завидует. Та никогда не лажает, такое ощущение, что у нее все всегда под контролем. Она, кажется, даже счастлива здесь.

Кларк скатывается с койки, ищет в темноте выключатель. Ее каморку заливают бледный свет. Трубы и эксплуатационные панели загромождают стены вокруг; на глубине трех тысяч метров эстетика всегда плетется позади функциональности. Лени поворачивается и видит блестящую черную амфибию в зеркале на переборке.

Иногда она до сих пор забывает, что же с ней сделали. Нужно сосредоточиться, чтобы почувствовать механизмы, притаившиеся на месте левого легкого. Кларк уже настолько привыкла к постоянной боли в груди, к еле ощутимой застойности пластика и металла при движении, что едва их замечает. Она все еще помнит, каково было жить полноценным человеком, и по ошибке принимает этого призрака за подлинные ощущения.

Однако такие передышки длятся недолго. На «Биб» повсюду зеркала; по идее они должны зрительно расширять личное пространство экипажа. Иногда Кларк закрывает глаза, прячется от отражений, которые постоянно кидаются на нее. Помогает слабо. Она крепко зажмуривается и чувствует линзы на сетчатке, скрывающие зрачки гладкими белыми катарактами.

Лени выбирается из каморки и идет по коридору в сторону кают-компания. Там ее ждет Баллард, тоже в гидрокостюме, как обычно собранная и уверенная в себе.

Она встает Лени навстречу:

– Ну что, готова к выходу?

– Ты тут главная, – отвечает Кларк.

– Только на бумаге. – Баллард улыбается. – Здесь, внизу, никакой иерархии нет, Лени. Я считаю, что мы с тобой равны.

После двух дней на рифте Кларк до сих пор удивляется тому, насколько часто напарница улыбается. По малейшему поводу. Иногда это кажется искусственным.

⁵ 1 *Бентос* (от греч. *Benthos*) – совокупность организмов, обитающих на грунте и в грунте материковых и морских вод.

⁶ 1 *Констриктор* – мышца, сжимающая какой-либо орган или же заставляющая сокращаться полый орган или его часть. Также этим словом обозначается самозатягивающийся веревочный узел.

⁷ 2 Станция названа в честь Чарльза Биба (1877–1962) – американского новатора в области подводных исследований. Именно он в 1930 году изобрел первую батисферу для подводных наблюдений.

Снаружи что-то ударяется о корпус.

Улыбка Баллард исчезает. Они снова слышат влажный, глухой шлепок, доносящийся сквозь титановую кожу станции.

– Так сразу и не привыкнешь, правда? – спрашивает Баллард.

Снова.

– Я имею в виду, судя по звуку, эта штука большая...

– Может, нам лучше вырубить освещение? – предлагает Кларк. Хотя знает, что никто ничего не отключит. Внешние прожекторы «Биб» горят круглые сутки электрическим костром, отгоняющим прочь тьму. Изнутри его не видно – на станции нет иллюминаторов, – но каким-то образом знание об этом невидимом огне успокаивает...

Шлеп!

...большую часть времени.

– А помнишь, как нам на тренировке говорили, что рыбы на такой глубине обычно очень... маленькие? – спрашивает Баллард, повышая голос.

И быстро замолкает. «Биб» слегка потрескивает. Какое-то время женщины неподвижно стоят и слушают, но снаружи тихо.

– Наверное, устала, – решает Баллард. – Думаю, люди там, на поверхности, разберутся, что тут к чему.

Она идет к лестнице и спускается вниз.

Кларк следует за ней со странным нетерпением. Некоторые звуки на «Биб» беспокоят ее гораздо больше тщетной атаки какой-то бестолковой рыбы. Лени слышит, как усталые сплавы обговаривают условия сдачи. Чувствует, как океан ищет лазейку внутрь. А что, если найдет? Тихий всем своим весом рухнет на них и превратит в желе. Когда угодно. В любое время.

Лучше встретиться с ним лицом к лицу, на дне, где знаешь, что происходит. Здесь же остается только ждать.

Когда идешь наружу, то словно тонешь. Каждый день. Раз за разом.

Кларк стоит перед Баллард в воздушном шлюзе, где места едва хватает для двоих, гидрокостюм наглухо закрыт. Она уже научилась терпеть вынужденную близость; немного помогает белый панцирь на глазах. «Запаять печати, проверить фонарь на голове, протестировать инжектор»; ритуал захватывает, шаг за шагом рефлексивно подводит к тому ужасному моменту, когда Лени пробуждает машины, спящие внутри, и меняется.

Когда задерживает дыхание и оно исчезает.

Когда где-то в груди открывается вакуум, пожирающий набранный в грудь воздух. Когда оставшееся легкое сплющивается в своей клетке, а кишки сжимаются; когда миоэлектрические⁸ демоны наполняют пазухи и средние уши изотоническим солевым раствором⁹. Когда все газы в теле пропадают за время, которого едва хватает на вдох.

Ощущения всегда одинаковые. Неожиданная непреодолимая тошнота; узкое пространство шлюза удерживает Лени на ногах, хотя ей так и хочется упасть; вокруг пенится морская вода, захлестывающая лицо. Зрение затуманивается, но после настройки линз быстро проясняется.

Кларк оседает по стене и очень хочет закричать, но не может. Пол воздушного шлюза откидывается, словно виселичный люк, и она, извиваясь, падает прямо в бездну.

⁸ 1 *Миоэлектрический сигнал* – электрический сигнал, вызывающий сокращение мышечных волокон в теле.

⁹ 2 *Изотонический раствор* – водный раствор, приближающийся по составу и другим показателям к сыворотке крови.

* * *

Их фонари сияют, они приходят из ледяного мрака в оазис натриевого света. У Жерла машины растут повсюду, как металлические сорняки. Кабели и трубы паутиной раскидываются по дну во всех направлениях. По обе стороны взводом подводных монолитов, исчезающих во тьме, стоят главные насосы, каждый больше двадцати метров высотой. Над головой висят прожекторы, омывая наваленные кучей конструкции вечными сумерками.

Они останавливаются на мгновение, направляющий фал не отпускают.

– Никогда я к такому не привыкну, – скрежещет Баллард голосом, похожим на карикатуру самого себя.

Кларк бросает взгляд на термистор, закрепленный на запястье.

– Тридцать четыре по Цельсию. – Слова металлически жужжат, вырываясь из гортани. Так неправильно и странно разговаривать, не дыша.

Баллард отпускает веревку и взмывает к свету. Подождав немного, бездыханная, Кларк следует за ней.

Здесь столько силы, столько впустую растроченной мощи. Здесь материка ведут тяжелую и скучную битву. Магма замерзает; вода кипит; каждый год болезненными сантиметрами рождается само дно океана. Здесь, в Жерле Дракона, человеческие механизмы не создают энергию, они просто крадут ее жалкие крохи, передавая их на континент.

Кларк движется вдоль каньонов из металла и камня, понимая, каково быть паразитом. Смотрит вниз. Моллюски размером с валуны, алые черви по три метра длиной устилают дно вокруг машин. Легионы бактерий, жадных до серы, прошивают воду молочной пеленой.

Все вокруг пронизывает неожиданный жуткий вопль.

На человеческий голос не похоже. Скорее на звук от медленно вибрирующей струны огромной арфы. Но это Баллард пытается крикнуть, преодолеть упрямый интерфейс из плоти и металла:

– ЛЕНИ...

Та поворачивается и видит, как ее рука исчезает в пасти. Невообразимо огромной пасти.

Зубы, похожие на ятаганы, смыкаются на плече. Кларк не может оторвать взгляда от чешуйчатой черной морды диаметром с полметра. Какая-то крохотная, бесстрастная часть разума Лени ищет глаза в этой чудовищной куче шипов, зубов и шишковатой плоти, не находит и невольно задается вопросом: «Как оно видит меня?»

А потом появляется боль.

Руку почти выворачивает из сустава. Тварь бьется, мотает головой из стороны в сторону, стараясь разорвать Лени на куски. От каждого рывка нервы Кларк срываются на крик.

Она чувствует слабость, ноги подкашиваются. «Пожалуйста, если хочешь убить меня, не мешкай, Господи, прошу, пусть я умру быстро...» Лени страшно тошнит, но вторая кожа гидрокостюма, сомкнувшаяся вокруг рта и ее собственных умерших внутренностей, не позволяет рвоте пробиться наружу.

Лени отключает боль. У нее в этом вопросе немало практики. Она уходит внутрь себя, оставляя тело на съедение прожорливому вивисектору, и уже оттуда чувствует, как его рывки и извивы неожиданно становятся беспорядочными. Рядом с ней возникает еще одно существо, с руками, ногами и ножом – «Ну, ты знаешь, вроде того, что и у тебя есть, в ножнах на бедре. О котором ты совсем забыла», – и монстр исчезает.

Кларк приказывает мускулам шеи вновь взяться за работу. Словно управляет марионеткой. Голова поворачивается. Она видит, как Баллард борется с чем-то размером с нее саму. Только... напарница разрывает его на части голыми руками. Зубы-сосульки чудовища треска-

ются и ломаются. Темная ледяная вода течет из его ран, очерчивая смертельные конвульсии дымными следами висящей в воде крови.

Тварь слабо бьется в спазмах. Баллард отталкивает ее прочь. Дюжина мелких рыбешек стрелой мчится на свет и принимается терзать труп. Фотофоры¹⁰ на их боках сверкают судорожными радугами.

Кларк наблюдает за этим с другой стороны мира. Боль держится на расстоянии постоянными пульсирующими толчками. Лени переводит взгляд на руку; та по-прежнему на месте. Можно даже пошевелить пальцами без всяких проблем. «Бывало и хуже», – думает она.

А потом: «Почему я до сих пор жива?»

Рядом появляется Баллард; ее скрытые линзами глаза сияют, как фотофоры.

– Господи, – раздается ее исковерканный шепот. – Лени? Ты в порядке?

Кларк какое-то время размышляет о том, насколько глупым кажется сейчас этот вопрос, но чувствует себя на удивление нормально.

– Да.

К тому же она прекрасно знает, что во всем виновата сама. Она просто легла, отключилась. Ждала смерти. Сама напросилась.

Она всегда сама напрашивается.

* * *

В воздушном шлюзе отступает вода. Вокруг них и внутри них; затаенный вдох Кларк, выпущенный наконец наружу, стремглав несется вдоль висцеральных каналов, наполняя легкое, кишки и душу.

Баллард распаивает печать на лице, и ее слова кувырком валяются в сырое помещение:

– О боже! Господи! Поверить не могу! Господи, ты эту штуку видела? Они тут такие огромные! – Она проводит руками над лицом, линзы слетают, молочные полусферы падают с огромных карих глаз. – Даже представить трудно, что обычно они всего пару сантиметров длиной...

Она начинает раздеваться, расстегивает костюм на руках, не переставая говорить:

– Но знаешь, они, оказывается, такие хрупкие! Посильнее ударить – и тварь на части разваливается! Боже!

Баллард всегда снимает подводную форму на станции. Кларк подозревает, что она с удовольствием вырвала бы рециркулятор из собственной гортани, если бы могла, и швырнула бы его в угол вместе с гидрокостюмом и линзами, пока те не понадобятся в следующий раз.

«Может, она второе легкое хранит в каюте, – размышляет Лени. – Держит в банке, а по ночам запихивает обратно в грудь...» Кларк все еще чувствует себя немного вялой; наверное, побочный эффект от нейроингибиторов, которые выделяют имплантаты, когда она выходит наружу. «Малая цена за то, чтобы мозг не закоротило, хотя я бы не возражала...»

Баллард стягивает вторую кожу до пояса. Под левой грудью сквозь костяную клетку выступает входное отверстие электролизера.

Кларк затуманенным взглядом смотрит на перфорированный диск, утопленный в плоти напарницы, и думает: «Так в нас входит океан». Сейчас это уже столь привычное знание обретает новую важность. «Мы всасываем воду, крадем из нее кислород и выплевываем обратно».

Колючее онемение распространяется по телу, течет от плеча прямо в грудь и шею. Кларк трясет головой, чтобы прояснить мысли. Сил хватает лишь на один раз.

Она неожиданно слабеет, сползает по выходному люку.

«Это шок? Или у меня обморок?»

¹⁰ 1 *Фотофоры* – орган свечения у морских рыб и некоторых головоногих моллюсков.

– В смысле... – Баллард замирает, неожиданно заботливо смотрит на нее. – Господи, Лени. Ты ужасно выглядишь. Не надо было говорить мне, что все в порядке, если это не так.

Покалывание добирается до основания черепа.

– Я в порядке, – отзывается Кларк. – Ничего не сломано. Только синяки.

– Чушь. Снимай костюм.

Лени с усилием выпрямляется. Оцепенение слегка отступает.

– Никаких проблем. Я сама смогу о себе позаботиться.

«Не трогай меня. Пожалуйста, не трогай».

Баллард без лишних слов подходит, распечатывает рукав Кларк, чуть ли не сдирает его, обнажая уродливый пурпурный кровоподтек. Вопросительно подняв бровь, смотрит на Лени.

– Всего лишь синяк, – констатирует та. – Я все сама сделаю, серьезно. Но все равно спасибо.

Она резко убирает руку, отказываясь от помощи.

Баллард не сводит с нее глаз. Еле заметно улыбается.

– Лени, не нужно так этого стыдиться.

– Чего?

– Ты сама знаешь. Того, что я тебя спасла. Когда эта штука на тебя напала, ты чуть сознание не потеряла. Но это понятно. Люди обычно тяжело привыкают к непривычным условиям. Это я просто из породы везучих.

«Точно. Тебе всегда везло, да? Знаю я твою породу, вы же никогда не ошибаетесь...»

– Тебе не нужно стыдиться себя, – уверяет ее Баллард.

– А я и не стыжусь, – честно отвечает Кларк.

Она больше вообще ничего не чувствует. Только покалывание. Напряжение. А еще какое-то вялое удивление, что до сих пор жива.

* * *

Переборка потеет.

Глубина кладет ледяные руки на металл, и Кларк изнутри наблюдает, как влажная атмосфера каплями скатывается по стене. Лени сидит неподвижно на койке под тусклым флуоресцентным светом, до каждой стены каюты можно легко дотянуться рукой. Над головой нависает потолок. Комната слишком узкая. Кларк чувствует, как океан сжимает станцию вокруг нее.

«А я могу только ждать...»

От анаболической мази на ранах тепло и спокойно. Кларк опытными пальцами на ощупь изучает пурпурную плоть на руке. Диагностические приборы в медицинском отсеке выписали ей оправдание. В этот раз повезло: кости не сломаны, эпидермис не поврежден. Она застегивает костюм, прячет синяки.

Лени беспокойно вертится на неудобном тюфяке, поворачивается к стене. Отражение смотрит на нее глазами, похожими на матированное стекло. Кларк разглядывает его, радуется совершенной мимикрии каждого движения. Плоть и фантом двигаются вместе, тела скрыты, лица безучастны.

«Это я, – думает Лени. – Вот так я сейчас выгляжу».

Старается разглядеть то, что спрятано под ледяной поверхностью.

«Мне скучно? Я возбуждена? Хочу секса? Расстроена?»

Как определить, как различить, когда глаза скрыты мутными линзами? Она не видит даже следа напряжения, которое обычно ощущает постоянно.

«В эту самую секунду я могу сходить с ума от страха. Мочиться от ужаса прямо в костюм, и никто даже не заметит».

Лени наклоняется вперед. Отражение движется навстречу. Они изучают друг друга, белизна к белизне, лед ко льду. На секунду даже забывают о бесконечной войне «Биб» с давлением, принимают клаустрофобное одиночество, сжимающее все вокруг.

«Сколько раз в своей жизни, – размышляет Кларк, – я хотела, чтобы у меня были вот такие мертвые глаза?»

* * *

Металлические внутренности станции заполняют коридор возле ее каюты. Кларк едва может встать, распрямившись во весь рост. Несколько шагов – и она оказывается в кают-компании.

Баллард вылезла из гидрокостюма, стоит в рубашке у одного из библиотечных терминалов.

– Рахит, – говорит она.

– Что?

– Рыбы здесь внизу получают недостаточно микроэлементов. Гниют от разного рода недостаточностей. Они, конечно, свирепые, но это не имеет никакого значения. От укуса посильнее местная живность просто поломает об нас зубы.

Кларк жмет кнопки пищеблока; от ее прикосновений машина ворчит.

– А я думала, на рифте куча еды, поэтому они и вырастают до таких размеров.

– Так и есть. Просто еда не очень.

Отвратительная на вид лепешка грязи выделяется из процессора на тарелку. Лени какое-то время тупо ее разглядывает.

«Я могу общаться».

– Ты что, собираешься есть прямо в гидрокостюме? – спрашивает Баллард, когда Кларк садится за стол.

Та мигает:

– Да. А что?

– Нет, ничего. Просто было бы приятно поговорить с кем-то, у кого есть зрачки в глазах, понимаешь?

– Извини. Я могу их снять, если тебе...

– Да ладно, не стоит. Переживу. – Баллард отворачивается от библиотеки и садится напротив. – Ну и как тебе это местечко?

Лени пожимает плечами, продолжая есть.

– А я вот рада, что мы здесь только на год, – продолжает Баллард. – Эта глубина рано или поздно достанет кого угодно.

– Могло быть и хуже.

– Да и не жалуюсь. В конце концов, сама искала приключений. Хотела бросить вызов собственным возможностям. А ты?

– Я?

– Что привело тебя сюда? Что тебе здесь надо?

Кларк какое-то время молчит, потом отвечает:

– Не знаю, на самом деле. Уединение, наверное.

Баллард смотрит на нее. Лени отвечает на взгляд, ее лицо остается предельно спокойным.

– Тогда оставляю тебя в уединении, – любезно говорит напарница.

Лени наблюдает за тем, как та исчезает в коридоре. Слышит, как с шипением закрывается люк ее каюты.

«Сдавайся, Баллард. Я не из тех, с кем ты действительно хочешь водить дружбу».

* * *

Скоро начало утренней смены. Пищеблок с обычным отвращением изрыгает завтрак. Баллард в рубке только что закончила разговор. Спустя секунду она появляется в просвете открытого люка.

– Руководство говорит... – Замирает. – У тебя голубые глаза.

Кларк слабо улыбается:

– Ты их уже видела.

– Знаю. Просто удивительно, ты так давно не снимала линзы.

Лени идет к столу с тарелкой.

– Так что говорит руководство?

– Все идет по расписанию. Остальная часть команды прибудет через три недели, комплекс заработает через четыре. – Она садится напротив Кларк. – Я, правда, не понимаю, почему его не подключили до сих пор.

– Думаю, они просто хотят убедиться, что все будет работать как надо.

– Тем не менее, для пробных испытаний срок великоват. К тому же... В общем, после всего, что произошло, я думала, они хотят запустить геотермальную программу как можно быстрее.

«Ты хотела сказать, после того как расплавились “Лепро” и “Уиншир”».

– А, и еще кое-что, – добавляет Баллард. – Не могу связаться с «Пикаром»¹¹.

Кларк поднимает голову. Вторая станция находится на Галапагосском рифте; не слишком-то стабильная гавань.

– А ты когда-нибудь встречала пару оттуда? – спрашивает Баллард. – Кена Лабина, Лану Чунг?

Лени качает головой.

– Их отправили до меня. Я не видела ни одного рифтера, кроме тебя.

– Милые люди. Я думала позвонить им, спросить, как дела, но никто не ответил.

– Что-то с линией?

– Наверху говорят, что, скорее всего, так и есть. Ничего серьезного. Посылают скаф проверить, как они там.

«Может, дно вскрылось и сожрало их без остатка, – думает Лени. – А может, в корпусе оказалась слабая панель – ведь достаточно всего одной...»

Что-то трещит в глубинах станции. Кларк оглядывается по сторонам. Пока она не обратила внимания на стены, те, кажется, придвинулись еще ближе.

– Иногда, – замечает она, – мне хочется, чтобы мы не поддерживали на «Биб» поверхностное давление. Иногда хочется накачать его до окружающего уровня. Снять постоянное напряжение с корпуса.

Она знает, что это невозможно. Всего лишь мечта. Большинство газов при трехстах атмосферах убивают человека на месте. Даже кислород, если его давление превысит один или два бара.

Баллард мелодраматично вздрагивает:

– Если хочешь рискнуть и подышать девяностодевятипроцентным водородом, то пожалуйста. Мне же нравится все, как есть. – Она улыбается. – К тому же, ты представляешь, сколько времени понадобится потом для декомпрессии?

В рубке связи что-то блеет, требуя внимания.

^{11 1} Вторая станция названа в честь Жака Пикара (1922–2008), известного швейцарского океанолога, прославившегося тем, что он стал первым человеком, побывавшим на дне Марианской впадины, самой глубокой впадины на Земле.

– Сейсмическая активность. Шикарно. – Баллард исчезает внутри.

Кларк следует за ней.

На одном из дисплеев корчится янтарная линия. Словно электроэнцефалограмма спящего человека, которому привиделся кошмар.

– Надевай глаза, – говорит Баллард. – Жерло заработало.

* * *

Звук слышится на всем пути от «Биб»; зловещее, почти электрическое шипение со стороны Жерла. Кларк следует за Баллард, одной рукой касаясь направляющего фала. Клякса света в отдалении отмечает пункт их назначения и почему-то кажется неправильной. Цвет непривычный. Он рябит.

Они всплывают в сверкающий ореол и видят причину. Жерло горит.

Сапфировые полярные сияния скользят, мерцают, вдоль генераторов. На дальнем конце массива, почти невидимая из-за расстояния, клубится колонна дыма, вздымаясь в темноте огромным торнадо.

Звук, исходящий от нее, заполняет бездну. Кларк на мгновение закрывает глаза и слышит треск гремучих змей.

– Господи! – Баллард перекрикивает шум. – Так не должно быть!

Кларк проверяет термистор. Данные постоянно изменяются; температура воды прыгает от четырех градусов до тридцати восьми и обратно буквально за секунды. Пока напарницы оценивают ситуацию, мириады недолговечных течений тянут их в разные стороны.

– Почему виден свет? – спрашивает Кларк.

– Не знаю! Биолюминесценция, наверное! Бактерии, чувствительные к высокой температуре!

Без всякого предупреждения суматоха стихает.

Океан избавляется от звука. Тускло фосфоресцирующие паутинки извиваются на металле и исчезают. Торнадо вздыхает в отдалении и распадается на несколько скоротечных смерчей.

В медном свете начинает кружиться легкий дождь из черной сажи.

– Фумарола, – произносит Баллард во внезапной тишине. – И немаленькая.

Они плывут к месту извержения гейзера. В дне свежая рана, трещина в несколько метров длиной разделяет два генератора.

– Но такого быть не должно! – говорит Баллард. – Черт побери, станцию построили тут именно поэтому! Тут же дно вроде бы стабильное.

– На рифте нет ничего стабильного, – отвечает Кларк. «Иначе какой смысл тут торчать».

Ее напарница плывет сквозь сажевые осадки и тыкает в крышку смотровой горловины одного из генераторов, после чего, заглянув внутрь, констатирует:

– Ну, судя по датчикам, повреждений нет. Повиси-ка, дай мне переключить цепи...

Кларк трогает один из цилиндрических сенсоров на поясе и смотрит в трещину. «А я бы смогла там пролезть», – решает она.

И лезет.

– Нам повезло, – говорит над ней Баллард. – С остальными генераторами тоже все в порядке. О, подожди секунду, у второго забились охлаждающие трубки, но ничего серьезного. Резервная система справится, пока... Вылезай оттуда!

Кларк задирает голову вверх, придерживая рукой устанавливаемый датчик. Видит, как напарница утонула на нее сквозь свежую каменную трубу.

– Ты с ума сошла? – кричит Баллард. – Это же активный гейзер!

Лени осматривает шахту. Та поворачивает, исчезая из виду в минеральном тумане.

- Нам нужны температурные данные изнутри Жерла.
 - Вылезай оттуда! Он же опять заработает и поджарит тебя!
- «Думаю, такое легко может произойти».

– Выброс уже был, – отвечает Лени. – Ему понадобится какое-то время, чтобы собраться с силами.

Она поворачивает кнопку на датчике; крохотные взрывные штифты пробивают камень, закрепляя устройство.

- Вылезай оттуда сейчас же!
- Еще секунду. – Кларк включает сенсор и прыжком вылезает из трещины.

Баллард хватается за руку, когда та появляется на поверхности, и тянет прочь от гейзера. Лени замирает и высвобождается.

- Не... смей меня трогать! – Приходит в себя. – Все, я вылезла, понятно? Не надо меня...
- Отплывем. – Напарница не останавливается. – Вон туда.

Они находятся почти на границе освещенной зоны: залитое прожекторами Жерло с одной стороны, темнота с другой. Баллард поворачивается к Кларк:

– Ты совсем спятила? Мы могли отправить с «Биб» робота! Поставить датчик дистанционно!

Лени не отвечает. Она видит, как за спиной коллеги что-то движется.

– Берегись!

Баллард поворачивается и видит, как к ним скользит мешкорот. Он струится в воде коричневым дымом, безмолвный и бесконечный; Кларк не видит хвоста рыбы, хотя несколько метров змееподобной плоти уже вышли из мрака.

Баллард вынимает нож. Кларк, чуть помедлив, тоже.

Пасть мешкорота распахивается, как огромный ковш с заостренными зубами.

Баллард приближается к твари, нож на изготовку.

Лени отводит ее руку:

– Подожди. Он плывет не к нам.

Морда рыбы уже примерно в десяти метрах. Из темноты появляется ее хвост.

– Ты с ума сошла? – Баллард вырывает руку, все еще наблюдая за монстром.

– Возможно, она не голодная.

Кларк видит глаза мешкорота, два крохотных немигающих пятнышка, свирепо смотрящих на людей.

– Они всегда голодные. Ты что, спала во время инструктажа?

Мешкорот захлопывает пасть и проплывает мимо. Он огибает людей по большой змеящейся дуге и снова поворачивает голову в их сторону. Рот открывается.

– Да пошло оно на хер, – говорит Баллард и атакует.

Ее первый удар прорезает метровую рану в боку создания. Мешкорот тарасится на нее, словно в изумлении. А потом начинает тяжеловесно биться в конвульсиях.

Кларк наблюдает, не двигаясь. «Почему она просто не может отпустить его? Почему ей всегда надо доказывать, что она лучше всех?»

Баллард ударяет снова, в этот раз вспарывая массивное вздутие, похожее на опухоль, – желудок твари.

Оттуда вываливается его содержимое. Они проскальзывают сквозь рану: две большие гигантуры и какое-то уродливое создание, которое Кларк даже узнать не может. Одна из гигантур еще жива и находится в скверном расположении духа, потому смыкает зубы вокруг первой попавшейся вещи.

На Баллард. Сзади.

– Лени!!

Та бешено размахивает ножом, который сверкает, разрезая воду отрывистыми дугами. Рыба начинает распадаться, но челюсти не разжимает. Мешкорот, трясаясь от спазмов, врезается в Баллард, и та, крутясь, летит ко дну.

Наконец Кларк двигается с места.

Гигант снова сталкивается со своей убийцей. Лени плывет понизу, держась за каменистую поверхность, и вытягивает напарницу вверх.

Нож Баллард продолжает протыкать и проворачиваться. От гигантуры ниже жабр остались лишь изувеченные останки, но она не открывает пасть, а Баллард не может извернуться, чтобы до нее достать. Кларк заходит сзади и обхватывает голову рыбы руками.

Та неподвижно глазеет на нее, злобная и абсолютно безмозглая.

– Убей ее! – кричит Баллард. – Господи, да чего же ты ждешь?

Лени закрывает глаза и сжимает кулак. Череп в руке раскалывается, словно сделанный из дешевого пластика.

Наступает тишина.

Через какое-то время Кларк открывает глаза. Мешкорота нет, сбежал во тьму, то ли выжить, то ли умереть. Но Баллард все еще тут, и она очень зла.

– Да что с тобой такое?

Кларк разжимает кулак. Кусочки костей и желеобразной плоти всплывают над пальцами.

– Ты должна была меня прикрывать! Какого черта ты постоянно такая... пассивная?

– Извини.

«Иногда это срабатывает».

Баллард ощупывает спину.

– Мне холодно. Похоже, она прокусила костюм...

Лени подплывает сзади и осматривает повреждения.

– Пара дырок. А еще что-нибудь чувствуешь? Ничего не сломано?

– Она пробила костюм. – Баллард говорит словно про себя. – А когда мешкорот ударил меня, то мог... – Она поворачивается к Кларк, и ее голос, даже искаженный, кажется испуганным. – Меня могли убить. Меня могли убить!

На мгновение кажется, что костюм, линзы и самоуверенность Баллард исчезли. Лени в первый раз видит ее слабость, словно глубоко внутри напарницы ширится изящная сетка трещин толщиной с волос.

«А ведь ты тоже можешь облажаться, Баллард. Тут тебе не игрушки. Все всерьез. Теперь ты это знаешь, и тебе больно, правда?»

Где-то внутри рождается еле заметное сочувствие.

– Все в порядке, – говорит Кларк. – Дженет, все...

– Да ты дура! – шипит та и сейчас походит на какую-то злую и слепую старуху. – Ты там просто плавала! Смотрела! Позволила им на меня напасть!

Лени чувствует, как ее защита возвращается в строй. «А ведь это не просто страх. Не просто слова, выпаленные в горячке. Я ей не нравлюсь. Совсем не нравлюсь».

А потом, даже немного удивившись от того, что не заметила этого раньше, она понимает: «И никогда не нравилась».

Ниша

Станция «Биб» парит, привязанная, над морским дном, серой, цвета оружейной стали, планетой, окруженной кольцом расположившихся по экватору прожекторов. На южном полюсе воздушный шлюз для ныряльщиков, на северном – стыковочный узел для батискафов. А между ними пояса металлоконструкций, якорные концы, трубы, кабели, металлический панцирь и Лени Кларк.

Она проводит визуальную проверку корпуса; рутина, стандартная процедура раз в неделю. Баллард внутри, тестирует какое-то оборудование в рубке. Работой в паре тут и не пахнет. Но Кларк это нравится. Последние несколько дней отношения между ними были вполне нормальными – напарница периодически даже выдает свое фирменное дружелюбие, – но чем больше времени они проводят вместе, тем больше нарастает напряжение между ними. Лени знает: в конце концов, что-нибудь да сломается.

К тому же здесь так естественно быть одной.

Она проверяет зажим кабеля, когда на свет приплывает явно голодный саблезуб длиной под два метра. Он атакует ближайший прожектор, широко раскрыв пасть. Несколько зубов разбиваются о хрустальную линзу. Рыба выворачивается в другую сторону, хвостом ударив корпус «Биб», и уплывает прочь, почти исчезнув на границе тьмы.

Кларк наблюдает за ней, замороженная. Саблезуб мечется туда-сюда, туда-сюда, а потом нападает снова.

Прожектор легко переживает натиск, атакующий больше вреда наносит самому себе, нежели мертвой конструкции. Снова и снова существо бьется о свет, и наконец, истощенное, падает, извиваясь, к илистому дну.

– Лени? Ты там как?

Кларк чувствует, как слова жужжат в нижней челюсти, и включает передатчик в костюме.

– В порядке.

– Я тут слышала что-то. Просто хотела убедиться, что у тебя...

– Я в порядке. Это рыба.

– Они, похоже, никогда не научатся.

– Нет. Похоже на то. Увидимся позже.

– Уви...

Кларк отключает приемник

«Бедная глупая рыба».

Сколько тысячелетий им понадобилось, чтобы выучить – биолюминесценция означает еду? Сколько «Биб» придется здесь висеть, чтобы они уяснили – электрический свет бесполезен?

«Мы бы могли отключить прожекторы. Может, тогда они бы оставили нас в покое».

Лени смотрит сквозь электрический ореол станции. Там столько мрака. На него почти больно смотреть. Без света, без сонара как далеко она сможет заплывать в этот тягучий саван и вернуться?

Кларк выключает налобный фонарь. Ночь подступает немного ближе, но огни станции держат ее на расстоянии.

Лени отталкивается от корпуса.

Ее обнимает тьма. Она плывет, не оглядываясь, пока не устают ноги. Не знает, как далеко забралась.

Могли пройти световые годы. Океан полон звезд.

Позади ярко сверкает станция грубыми желтыми лучами. В противоположной стороне еле различимо пустыковым закатом на горизонте мерцает Жерло.

А вокруг живые созвездия пронизывают мрак. Нить жемчужин мигает с двухсекундным интервалом, призывая сексуальных партнеров. От неожиданной вспышки перед глазами Кларк роет клубятся несуществующие пятна; что-то бросается прочь, воспользовавшись ее мгновенной слепотой. В течении лениво извивается ложный червь, невидимо связанный с небом чьей-то хищной пасти.

Здесь столько жизни.

Лени чувствует неожиданный толчок от волны, словно что-то большое проплыло рядом. Ее тело пронизывает восхитительный трепет.

«Оно почти коснулось меня. Интересно, кто это был?»

Рифт полон монстров, которые не знают, когда отступить. Неважно, сколько они едят. Ненасытность – их неотъемлемая часть, так же как эластичные желудки, всегда открытые челюсти. Прожорливые карлики нападают на гигантов в два раза больше их и иногда побеждают. Бездна – это пустыня; никто не может позволить себе роскошь ждать вариантов получше.

Но даже в пустыне есть оазисы, и иногда глубоководные охотники находят их. Они сталкиваются с малопитательным изобилием рифта и жрут, пока не начнут давиться; их потомки вырастают огромными, с раздутой плотью, покоящейся на таких хрупких костях...

«Я отключила фонарь, и оно оставило меня в покое. Интересно...»

Лени снова включает свет. Картинка перед глазами меркнет от неожиданного сияния, потом все проясняется. Океан снова становится беспросветным мраком. Но никакие кошмары к ней не устремляются. Луч тыкается в пустую воду, обступаящую его со всех сторон.

Кларк выключает фонарь. Ее обволакивает абсолютная чернота, пока линзы адаптируются к пониженному освещению. А потом звезды появляются снова.

Они такие красивые. Лени Кларк лежит на дне океана и наблюдает за бездной, сверкающей вокруг. Она чуть ли не смеется, когда понимает, что в трех тысячах метрах от солнца тьма наступает только тогда, когда горит свет.

* * *

– Да что с тобой такое? Ты исчезла на три часа, ты хоть понимаешь это? Почему не отвечала?

Кларк наклоняется и снимает ласты.

– Наверное, я отключила передатчик. Я... так, секунду, ты говоришь, что...

– Наверное? Ты что, совсем забыла правила безопасности, которые в нас вбивали? Ты должна держать передатчик включенным с той секунды, как покидаешь «Биб», и до самого возвращения!

– Ты сказала, я отсутствовала три часа?

– Да я не могла даже на твои поиски отправиться, не могла найти тебя на сонаре! Пришлось сидеть здесь и надеяться, что ты покажешься в конце концов!

Казалось, прошло всего несколько минут с того момента, как Лени оттолкнулась от корпуса станции и уплыла в темноту. Она забирается в кают-компанию, неожиданно чувствуя, как ее трясет озноб.

– Где ты была, Лени? – Дженет Баллард требует ответа, подойдя к ней со спины. Кларк слышит еле заметные жалобные нотки в ее голосе.

– Я... Я, наверное, была на дне, – говорит Лени, – поэтому меня и не видел сонар. Но совсем недалеко.

«Я заснула? Что я там делала целых три часа?»

– Я просто... плавала. Потеряла счет времени. Извини.

– Это очень плохо. Не делай так больше.

На краткий миг наступает тишина. Она обрывается неожиданным, но таким знакомым ударом плоти о металл.

– О боже! – рывкает Баллард. – Все, я сейчас выключу прожекторы!

Что бы ни было снаружи, оно успеваешь врезаться в обшивку еще два раза, прежде чем Дженет добирается до пульта и Кларк слышит, как та щелкает кнопками.

Напарница возвращается в кают-компанию.

– Все. Вот теперь мы невидимы.

Раздается еще один удар. А потом еще один.

– Или нет, – комментирует Кларк.

Баллард стоит посередине отсека, вслушивается в ритм нападений.

– Их не видно на радаре. – Она почти шепчет. – Иногда, когда я слышу, как они приближаются к нам, я настраиваю прибор на минимально близкое расстояние. Но он их не ловит совершенно.

– Нет газовых пузырей, и звук не отражается.

– Мы-то на сонаре всегда светимся. Ну, большую часть времени. Но не эти твари. Их не найти, неважно, насколько сильно врубаешь прибор. Они как призраки.

– Они – не призраки.

Почти неосознанно Кларк считает удары: восемь, девять...

Баллард поворачивается к ней:

– Они закрыли «Пикар». – Голос у нее тихий и напряженный.

– Что?

– Офис Энергосети говорит, что там какие-то технические проблемы. Но у меня есть друг в штате. Я с ним связалась, пока ты была снаружи. Он сказал, Лана в госпитале. И у меня такое чувство... – Баллард качает головой. – Похоже, Кен Лабин что-то натворил. Думаю, он на нее напал.

Три удара снаружи в быстрой последовательности. Кларк чувствует на себе взгляд напарницы. Молчание затягивается.

– Или нет, – говорит Баллард. – Мы же все проходили психологическое тестирование. Если бы он был склонен к насилию, его бы отбраковали еще перед отправкой.

Лени наблюдает за ней, слушает грохотание прерывистого кулака.

– Или, может... может, рифт каким-то образом его изменил. Может, мы недооценили влияние давления, под которым постоянно находимся. Так скажем. – Баллард выдавливает из себя слабую улыбку. – Не столько физическая опасность, сколько эмоциональный стресс, понимаешь? Повседневные вещи. Тут один выход наружу может dokonать, в конце концов. Морская вода проходит прямо сквозь тело. Мы не дышим часами. Все равно что... жить без стука сердца...

Она смотрит на потолок; удары становятся все более беспорядочными.

– А снаружи не так плохо, – говорит Кларк. «По крайней мере, там ничего не давит. И не надо беспокоиться, что корпус станции не выдержит».

– Не думаю, что трансформация происходит неожиданно. Она вроде как подкрадывается к тебе незаметно, мало-помалу. А потом однажды утром ты просыпаешься другим человеком, только перемены не замечаешь. Как Кен Лабин.

Она переводит взгляд на Кларк и уже тише произносит:

– И ты.

– Я. – Лени вертит в голове слова напарницы, ждет от себя хоть какой-то реакции. Кроме собственного безразличия не чувствует больше ничего. – Не думаю, что тебе стоит беспокоиться. Я не из буйных.

– Знаю. Я не о себе беспокоюсь, Лени, а о тебе.

Кларк смотрит на нее, скрываясь под непроницаемой защитой линз, и не отвечает.

– Ты изменилась с тех пор, как спустилась сюда, – говорит Баллард. – Сторонишься меня, зачем-то постоянно рискуешь. Я не знаю, что происходит с тобой. Как будто ты хочешь умереть.

– Не хочу. – Лени старается сменить тему разговора. – С Ланой Чунг все в порядке?

Дженет не сводит с нее глаз, но намек улавливает:

– Не знаю. Деталей мне не сообщили.

Лени чувствует, как что-то внутри нее завязывается в узел, и бормочет:

– Интересно, что она сделала? Почему он пошел вразнос?

Баллард от удивления не может сдержаться:

- Что она сделала? Да как ты такое говорить можешь?
- Я всего лишь имела в виду...
- Я знаю, что ты имела в виду.

Удары снаружи прекратились. Баллард легче не стало. Она стоит, сгорбившись, в этих странных, таких свободных, мешковатых одеждах, которые носят сухопутники, и пристально смотрит в потолок, как будто не верит тишине, а потом переводит взгляд на Кларк.

– Лени, ты знаешь, я не люблю напоминать о субординации, но твое отношение к делу ставит под угрозу нас обоих. Я считаю, что местная обстановка плохо на тебя влияет. Я надеюсь, что ты сможешь вернуться к нормальному состоянию, я очень на это надеюсь. Иначе мне придется рекомендовать руководству перевести тебя.

Кларк наблюдает за тем, как Баллард покидает кают-компанию, и тут все понимает. «Да ты же напугана до смерти, и дело не в том, что меняюсь я. Дело в том, что меняешься ты».

* * *

Только через пять часов после события Кларк замечает: что-то изменилось на дне океана. «Мы спим, а земля движется, – думает она, изучая топографический дисплей. – А в следующий раз или когда-нибудь в ближайшем будущем она выскользнет прямо из-под нас. Интересно, успею ли я тогда хоть что-то почувствовать».

Она поворачивается на звук, раздавшийся за спиной. Баллард стоит в кают-компании, слегка покачиваясь. Ее лицо изуродовано глубокими тенями под глазами и концентрическими кругами на рогице. Незащищенные, обнаженные зрачки уже начинают казаться Кларк чуждыми.

– Дно сдвинулось, – сообщает она. – Новое обнажение пласта где-то в двухстах метрах к западу от нас.

- Странно, я ничего не почувствовала.
- Это произошло около пяти часов назад. Ты спала.

Дженет бросает на нее внимательный взгляд. Лени видит, как осунулась напарница, какие глубокие морщины пробороzdили ее кожу. «С другой стороны...»

- Я... я бы проснулась, – заявляет та.

Она протискивается мимо Кларк в отсек и проверяет данные топографии.

- Два метра высотой, двенадцать длиной, – отчеканивает Лени.

Баллард не отвечает. Она, с силой барабаня по клавиатуре, вводит какие-то команды; топографическая картина растворяется, преобразаясь в колонку цифр.

– Как я и думала. Никакой заметной сейсмической активности за последние сорок два часа.

- Сонар не лжет, – спокойно говорит Лени.
- Сейсмограф тоже.

Неловкая тишина. Для подобных случаев существует стандартная процедура, и они обе знают, что теперь придется делать.

- Нам надо все проверить, – констатирует Кларк.

Баллард лишь кивает:

- Дай мне минутку переодеться.

* * *

Наверху эту штуку называли «кальмаром»: цилиндр где-то с метр длиной с реактивным двигателем, прожектором на носу и сцепкой на хвосте. Кларк висит между «Биб» и дном,

проверяет его одной рукой. Во второй сжимает гидроакустический пистолет, периодически направляет его во тьму; ультразвуковые щелчки пронизывают ночь, давая направление.

– Нам туда, – говорит она, ткнув пальцем во мрак.

Баллард сжимает ручки своего «кальмара». Машина уносит ее прочь. Чуть помедлив, за ней следует Кларк. Замыкает процессию третий цилиндр, который везет набор датчиков в нейлоновой сумке.

Баллард идет чуть ли не на полной скорости. Фонарь на ее шлеме и прожектор пронзают воду, словно два маяка-близнеца. Кларк, потушив свет, нагоняет их на полпути. Пару метров они идут бок о бок над илистым дном.

– Огни, – говорит Баллард.

– Они не нужны. Сонар работает и в темноте.

– Ты теперь нарушаешь инструкции только ради удовольствия?

– Рыбы внизу нападают на светящиеся предметы...

– Включи свет. Это приказ.

Кларк не отвечает. Смотрит на лучи рядом. Прожектор «кальмара» сияет уверенно и стойко, но головной фонарь Баллард режет воду беспорядочными дугами, когда напарница крутит головой.

– Я сказала тебе, включи свой... О боже!

Это всего лишь проблеск, мимолетный образ, пойманный лучом. Дженет принимается крутить головой, и он исчезает из виду, а потом возникает в свете прожектора «кальмара», огромный и ужасный.

Бездна улыбается им оскаленными зубами.

Пасть растягивается по всей ширине луча, уходит во тьму по обе стороны. Она забита коническими зубами размером с человеческую руку, которые совсем не выглядят хрупкими.

Баллард начинает давиться и ныряет ко дну. Придонный ил окутывает ее бурлящим облаком, она исчезает в потоке планктонных трупов.

Кларк останавливается и ждет, не двигаясь с места. Она смотрит на эту угрожающую улыбку. Все ее тело наэлектризовано, она еще никогда не чувствовала себя настолько ясно. Каждый нерв пылает и замерзает одновременно. Она в ужасе.

Но почему-то Лени полностью себя контролирует. Пока она размышляет над этим парадоксом, оставленный без присмотра «кальмар» напарницы замедляется и останавливается буквально в нескольких метрах от бесконечного ряда зубов. Кларк удивляется собственной аналитической четкости, когда третья торпеда с грузом датчиков теряет скорость и занимает позицию рядом с машиной Баллард.

Ухмылка в дополнительном свете не меняется.

Кларк поднимает гидролокационный пистолет и стреляет. Проверяет показания и понимает: «Мы на месте. Это и есть обнажение породы».

Она подплывает ближе. Улыбка не исчезает, таинственная и соблазнительная. Теперь становятся видны куски костей у корней зубов и обрывки разложившейся плоти, струящиеся с десен.

Лени поворачивается и отходит. Облако на дне начинает опадать.

– Баллард, – зовет она механическим голосом.

Никто не отвечает.

Кларк принимается вслепую шарить в грязи, пока не нащупывает что-то теплое и дрожащее.

Дно взрывается ей в лицо.

Баллард вырывается из субстрата, оставляя за собой грязный след, как от кометы. Ее рука поднимается из внезапного облака, в ней зажато что-то блестящее. Кларк видит нож и еле успевает отклониться; лезвие задевает костюм, воспламенив нервные окончания по всей

грудной клетке. Баллард бьет снова. В этот раз Лени успевает перехватить запястье, когда рука проходит мимо, выворачивает ее, тянет. Дженет падает.

– Это я! – кричит Кларк, вокодер превращает голос в металлическое вибрато.

Баллард поднимается на ноги, бельма на глазах не видят, нож по-прежнему зажат в руке.

Лени держит ее:

– Прекрати! Тут ничего нет! Оно мертво!

Та останавливается, но не может отвести глаз от Кларк. Потом осматривает «кальмары», освещенную ими улыбку. Замирает.

– Это какой-то кит, – объясняет Кларк. – Он уже давно мертв.

– К... кит? – хрипит Баллард. Ее начинает тряссти.

«Не нужно так этого стыдиться». Кларк хочет сказать это, но решает промолчать. Вместо этого легко касается руки напарницы. «Интересно, ты вот так людей успокаиваешь?»

Баллард дергается в сторону, словно от ожога.

«Думаю, нет...»

– М-м-м, Дженет, – начинает Лени.

Баллард поднимает дрожащую руку, обрывая ее.

– Я в порядке. Я хочу вер... Думаю, нам надо вернуться обратно, не так ли?

– Ладно, – отвечает Кларк, но кривит душой.

Здесь она может стоять хоть весь день.

* * *

Баллард снова в библиотеке. Она поворачивается, привычным жестом проведя рукой над регулятором яркости, когда к ней подходит Лени; экран темнеет, прежде чем та успевает увидеть, что на нем. Кларк с удивлением смотрит на фоновизор, висящий над терминалом. Если Дженет так не хочет ничего показывать, то могла бы воспользоваться им.

«Но тогда бы она не заметила моего прихода...»

– Думаю, это был клюворылый кит. Только у него слишком много зубов. Таких китов очень мало, и они не ныряют так глубоко.

Кларк слушает, но ее это особо не интересует.

– Он, наверное, умер и начал разлагаться наверху, а потом затонул. – Баллард слегка повышает голос, почти украдкой смотря на что-то, находящееся с другой стороны кают-компании. – Интересно, какие шансы на то, что это могло произойти?

– В смысле?

– Я имею в виду, океан-то огромный, и как могло случиться, что такое большое животное упало именно здесь, в паре сотен метров от нас. Шансы на это, по идее, крайне малы.

– Да, думаю, так. – Лени протягивает руку и включает дисплей. Одна его половина мягко мерцает от светящегося текста. На другой вращается изображение какой-то сложной молекулы.

– Что это?

Дженет опять украдкой бросает взгляд в кают-компанию.

– Старый текст по биопсихологии из нашей библиотеки. Я его просматривала. Когда-то интересовалась этой темой.

Кларк смотрит на нее:

– Угу.

Потом наклоняется и изучает экран. Какая-то прикладная химия. Единственное, что она понимает, это заголовок под графиком, и поэтому зачитывает его вслух:

– Истинное Счастье.

– Да. Трицикл с четырьмя боковыми цепями. – Баллард указывает на экран. – Когда ты счастлива, по-настоящему счастлива, действует эта штука.

– А когда ее открыли?

– Не знаю. Книга старая.

Кларк пристально рассматривает вращающуюся модель. Почему-то та ее беспокоит. Парит под этим самоуверенным глупым заголовком и говорит то, что ей слышать не хочется.

«Тебя решили. Как задачу. Ты – механизм. Химия и электричество. Все, чем ты являешься, каждый сон, каждое действие – все в конце концов сводится к изменению напряжения где-то в организме, или – как она это назвала? – трициклу с четырьмя боковыми цепями...»

– Это неправильно, – бормочет Кларк. «Иначе нас бы смогли чинить, когда мы ломаемся...»

– Прости...

– Здесь говорится, что мы просто органические компьютеры. С лицами.

Баллард выключает терминал.

– Так и есть. А некоторые из нас теряют даже их.

Лени замечает колкость, но та не достигает цели. Кларк выпрямляется и направляется к лестнице.

– Ты куда? Опять наружу? – спрашивает Баллард.

– Смена не закончилась. Думаю, я прочищу трубу на втором номере.

– Поздновато уже. Мы и наполовину ничего не доделаем, как наша смена закончится. –

Баллард снова куда-то пристально смотрит. В этот раз Кларк следит за ее взглядом и упирается в большое зеркало на дальней стене.

Ничего интересного там нет.

– Я буду работать допоздна. – Она хватается за перила, заносит ногу над первой ступенькой.

– Лени. – Кларк может поклясться, что слышит дрожь в голосе напарницы, оглядывается, но та уже идет в рубку, говоря: – Боюсь, я не смогу пойти с тобой. Надо проверить протоколы телеметрии. Там какие-то сложности.

– Прекрасно. – Лени чувствует, как нарастает напряжение, и спускается по лестнице.

«Биб» снова сжимается.

– А ты уверена, что с тобой снаружи будет все в порядке? Может, тебе стоит подождать до завтра.

– Нет. Я уверена.

– Тогда держи передатчик включенным. Я не хочу, чтобы ты опять пропала...

Кларк в воздушном шлюзе, быстро исполняет весь положенный ритуал. Теперь ей не кажется, что она тонет при переходе. Скорее рождается заново.

* * *

Лени просыпается во тьме. Кто-то рыдает.

Лежит несколько минут неподвижно, смущенная и неуверенная. Всплипы идут со всех сторон, мягкие, но вездесущие в гулкой скорлупе «Биб». Ее тело почти безмолвно, только слышится стук сердца.

Она боится. Не знает почему. Только хочет, чтобы звуки исчезли.

Кларк скатывается с койки и шарит по стене наугад, ища задвижку люка. Открывает, выходит в полутемный коридор; скудный свет идет из кают-компания. Звуки же доносятся с другой стороны, из сгущающегося мрака. Она следует за ними по туннелю, кишашему трубами и кабелями.

Каюта Дженет. Люк открыт. Изумрудный индикатор сверкает во тьме, практически не освещая сгорбленную фигуру на тонком матрасе.

– Баллард, – тихо окликает ее Кларк, но входить не хочет.

Тень двигается, вроде бы поворачивает к ней голову и чуть ли не умоляюще произносит:
– Почему ты никогда ничего не показываешь?

Кларк хмурится в темноте.

– Чего не показываю?

– Ты знаешь чего! Как... как тебе страшно!

– Страшно?

– Быть здесь, застряв на дне этого ужасного черного океана...

– Я не понимаю, – шепчет Кларк.

Клаустрофобия, забеспокоившись, начинает шевелиться внутри.

Баллард фыркает, но усмешка явно вымученная.

– О, ты все прекрасно понимаешь. Думаешь, это такое соревнование. Если все держать в себе, то выиграешь... но это не так, совсем не так, Лени. Скрытность не помогает, здесь мы должны доверять друг другу или проиграем...

Она еле заметно сдвигается на койке. Зрение Кларк, улучшенное линзами, различает отдельные детали; грубые линии окаймляют силуэт Баллард, складки и сгибы обыкновенной одежды, расстегнутой до пояса. Лени тут же представляет себе частично вскрытый труп, который поднялся на столе, оплакивая собственные увечья.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – говорит Кларк.

– Я пыталась быть дружелюбной. Пыталась поладить с тобой, но ты такая холодная, ты даже не хочешь признать... я имею в виду, тебе не может тут нравиться, никому не может. Так почему ты не можешь просто признать это...

– Мне и не нравится. Я... я ненавижу это место. Как будто «Биб» собирается... сомкнуться вокруг меня. А я могу только ждать, когда это случится.

Баллард кивает в темноте.

– Да, да, я понимаю, о чем ты. – Кажется, ее приободрило признание Кларк. – И неважно, сколько ты говоришь себе... – Она останавливается. – Ты ненавидишь станцию?

«Неужели я опять сказала что-то не то?»

– Но снаружи не лучше, – говорит Баллард. – Снаружи даже хуже! Там оползни, гейзеры и гигантские рыбы, которые вечно хотят тебя сожрать. Ты не можешь... но... тебе же на них наплевать, так?

Почему-то в ее голосе появляются обвинительные ноты. Кларк пожимает плечами.

– Да, тебе наплевать. – Теперь Баллард говорит тихо, почти шепотом. – Тебе на самом деле нравится снаружи. Ведь так?

Лени неохотно кивает:

– Ага, похоже на то.

– Но это так... Рифт может убить тебя, Лени. Он может убить нас сотней разных способов. Разве это тебя не пугает?

– Не знаю. Я не думаю об этом. Подозреваю, что да, может и убить. Ну, вроде того.

– Тогда почему ты так счастлива там? – кричит Баллард. – Ведь это не имеет смысла...

«Не сказать, что я именно “счастлива”».

– Не знаю. А в чем проблема-то? Множество людей занимаются опасными вещами. Как насчет парашютистов? Скалолазов?

Но Дженет не отвечает. Ее силуэт на кровати словно затвердевает. Неожиданно она протягивает руку и включает в каюте свет.

Лени моргает от неожиданной яркости, а потом комната погружается в сумрак, когда затемняются линзы.

– Боже мой! – орет Баллард. – Ты уже и спишь в этом гребаном костюме?

Об этом Кларк тоже не думала. Просто так ходить гораздо легче.

– И все это время, пока я тут тебе душу изливала, ты стояла с этим поганим лицом робота! У тебя даже не хватило порядочности показать мне свои треклятые глаза!

Кларк отступает, изумленная. Баллард поднимается с кровати и делает один шаг в ее сторону.

– Только подумать, а ведь прежде, чем тебе дали этот сраный костюм, ты даже могла за человека сойти! А теперь не пойти ли тебе и не поиграть с чем-нибудь в своем разлюбезном океане!

И она с грохотом захлопывает люк прямо перед лицом Лени.

Та какое-то время смотрит на задренную переборку. Знает – ее лицо сейчас совершенно спокойно. На нем почти никогда не отражаются эмоции. Но она стоит здесь и не двигается, ждет, пока съжившееся существо внутри чуть расслабится.

– Хорошо, – наконец очень тихо произносит Лени. – Думаю, я пойду.

* * *

Когда она появляется из воздушного шлюза, ее уже ждет Баллард и тихо произносит:

– Лени, нам нужно поговорить. Это очень важно.

Кларк наклоняется и снимает ласты.

– Выкладывай.

– Не здесь. В моей каюте.

Кларк смотрит на нее.

– Пожалуйста.

Та поднимается по лестнице.

– А ты не собираешься снять... – Дженет останавливается, когда Кларк переводит на нее взгляд. – Неважно. Все в порядке.

Они заходят в кают-компанию. Баллард впереди. Кларк следует за ней по коридору в ее комнату. Напарница закрывает люк и садится на койку, оставляя место для Лени.

Та осматривает тесное пространство. Хозяйка завесила зеркало на переборке простыней.

Дженет хлопает по кровати рядом с собой.

– Иди сюда, Лени. Садись.

Кларк неохотно садится. Неожиданная доброта напарницы смущает ее. Она так себя не вела с тех пор...

«...с тех пор, как перестала чувствовать себя главной».

– ...это может показаться тебе нелегким, – начинает Баллард, – но мы должны вытащить тебя с рифта. Они вообще не должны были посылать тебя сюда.

Кларк не отвечает.

– Помнишь тесты, которые мы проходили? Они измеряли нашу толерантность к стрессу; к заточению, длительной изоляции, постоянной физической опасности – к такого рода вещам.

Лени едва заметно кивает:

– И?..

– И ты думаешь, они проверяли эти качества, не понимая, какие люди будут ими обладать? Или как они такими стали?

Внутри Кларк что-то замирает. Снаружи ничего не меняется.

Баллард слегка наклоняется к ней:

– Помнишь, что ты сказала? Про скалолазов, парашютистов и почему люди намеренно подвергают себя опасности? Я читала про это, Лени. Мне нужно было понять тебя, я много читала...

«Нужно было понять меня?»

– ...и знаешь, что общего есть у всех любителей острых ощущений? Они все говорят, что ты не знаешь жизни, пока не почувствовал приближение смерти, пока почти не умер. Им нужна опасность. Они кайфуют с нее.

«Ты совсем меня не знаешь...»

– Среди них есть ветераны войны, другие долго были заложниками, некоторые провели много времени в опасных зонах по той или иной причине. А настоящие маньяки...

«Меня никто не знает».

– ...те, которую могут жить счастливо, только постоянно находясь на грани... большинство из них начали рано, Лени. Еще детьми. А ты, держу пари... ты даже не любишь, когда к тебе прикасаются...

«Уходи. Уйди».

Баллард кладет руку на плечо Кларк.

– Как долго ты терпела надругательства над собой, Лени? – тихо спрашивает она. – Сколько лет?

Кларк дергает плечом, сбрасывает ее ладонь и молчит. Чуть перемещается на койке, отворачиваясь. «Она не хочет причинить тебе зла».

– Все так, да? Ты не просто выработала стойкость к травмам, Лени. У тебя теперь зависимость от них. Не так ли?

Кларк понадобилась всего лишь секунда, чтобы восстановить равновесие. Костюм и линзы делают все проще. Она спокойно поворачивается к Баллард. Даже слегка улыбается.

– Надругательства? Какой необычный термин. Я думала, он уже вышел из употребления после охоты на ведьм. Любишь историю, Дженет?

– Существует механизм, – начинает рассказывать ей та. – Я читала о нем. Ты знаешь, как мозг справляется со стрессом, Лени? Он качает в кровь различные стимуляторы, вызывающие привыкание. Бета-эндорфины, опиоиды. Если это происходит достаточно часто и долго, то ты подсаживаешься. И никак иначе.

Кларк чувствует какой-то звук, разрастающийся в горле, иззубренный кашляющий шум, похожий на скрип рвущегося металла. Только спустя мгновение она понимает, что смеется.

– Я не вру! – настаивает Баллард. – Можешь посмотреть сама, если не веришь мне! Разве не знаешь, сколько детей, подвергавшихся насилию, всю жизнь проводят с мужьями, которые их бьют, или они сами себя увечат, или начинают заниматься прыжками со свободным падением...

– И от этого счастливы, так? – Кларк все еще улыбается. – Им так нравится, когда их насиляют, бьют или...

– Нет, разумеется, ты не счастлива! Но то чувство, которое ты испытываешь, близко к счастью настолько, насколько это для тебя возможно. Поэтому ты путаешь их, ищешь напряжение, стресс везде, где только можешь. Это физиологическая зависимость, Лени. Ты нуждаешься в опасности. Просишь о ней. И всегда просила.

«Прошу». Баллард читала, Баллард знает: жизнь – это чистая электрохимия. Нет смысла объяснять, каково это. Нет смысла объяснять, что есть вещи гораздо хуже побоев. Есть вещи, которые хуже того, когда тебя связывает и насилует собственный отец. А потом наступает перерыв, и ничего не происходит. Он оставляет тебя в одиночестве, и ты не понимаешь, надолго ли. Сидишь за столом напротив него, заставляешь себя есть, избитые внутренности стараются вновь собраться вместе; а он треплет тебя по голове, улыбается, и ты понимаешь: передышка затянулась, и он скоро придет. Сегодня ночью, или завтра, или послезавтра.

«Естественно, я в этом нуждалась. Просила. А как еще я могла с этим справиться?»

– Слушай. – Кларк качает головой. – Я...

Но говорить неожиданно трудно. Она знает, что хочет сказать; не только Баллард умеет читать. Через призму жизни, полной сбывшихся желаний, Дженет не может понять одного:

с Лени не произошло ничего необычного. Бабуины и львы убивают свой молодежь. Самцы колюшек бьют самок. Даже насекомые насилюют друг друга. На самом деле, это не надругательство, это всего лишь... биология.

Но сказать подобное вслух она по каким-то причинам не может. Пытается, потом еще раз, и в конце концов наружу вырывается почти детский вызов:

– Да что ты вообще знаешь?

– Много, Лени. Я знаю, что ты подседа на боль, а потому будешь выходить со станции и продолжать испытывать рифт на прочность, провоцировать его на убийство. И рано или поздно он тебя убьет, разве ты не понимаешь? Поэтому тебе здесь не место. Тебя нужно отправить обратно.

Кларк встает.

– Я не вернусь. – И направляется к люку.

Баллард протягивает к ней руку.

– Постой, тебе нельзя уходить, ты должна меня выслушать. Это еще не все.

Лени кидает на нее абсолютно равнодушный взгляд:

– Спасибо за заботу. Но я могу уйти. И могу покинуть станцию, когда мне вздумается.

– Если ты сейчас выйдешь, то потеряешь все, они наблюдают за нами! Ты что, до сих пор этого не поняла? – Баллард повышает голос. – Послушай, они все про тебя знают! Они ищут таких, как ты! Проверяют нас, не знают точно, какого типа личности справятся с работой здесь лучше, поэтому смотрят, кто сломается первым! Как ты не понимаешь, вся эта программа – эксперимент! Всех, кого сюда послали: меня, тебя, Кена Лабина, Лану Чунг... Мы все – часть хладнокровного эксперимента...

– А ты с ним не справилась, – спокойно резюмирует Кларк. – Понимаю.

– Они используют нас, Лени... Не выходи туда!!!

Пальцы Дженет впиваются в Кларк, словно присоски осьминога. Та их резко отталкивает. Открывает люк, распаивает его. Слышит, как напарница встает за спиной.

– Ты больная! – кричит Баллард.

Что-то врезается прямо в голову Кларк. Она падает ничком на пол коридора, трубы больно впиваются в ладони.

Лени перекачивается на бок и поднимает руки, защищаясь, но Баллард перешагивает через нее и направляется в кают-компанию.

«Я не боюсь, – замечает Кларк, поднимаясь на ноги. – Она меня ударила, а я не боюсь. Ну разве не странно...»

Откуда-то поблизости доносится звон разбитого стекла.

Баллард орет в кают-компанию:

– Эксперимент закончен! А ну выходите, гребаные садисты!

Кларк идет по коридору, заходит в каюту. Осколки заостренными сталактитами висят в раме. Стекланные брызги усеивают пол.

На стене, прямо за разбитым зеркалом, объектив «рыбьим глазом» следит за каждым уголком комнаты.

Баллард смотрит прямо в него, не отрываясь.

– Вы слышите меня? Я больше не играю в ваши идиотские игры! Хватит с меня спектаклей!

Кварцитовая линза отвечает бесстрастным взглядом.

«Так ты была права, – размышляет Кларк, вспоминая о простыне в каюте Дженет. – Ты все поняла, нашла аппаратуру в собственной камере, и, моя дорогая подруга, ты ничего мне не сказала. Как долго ты уже знаешь?»

Та оглядывается, видит Лени и скалится в объектив:

– Ее-то вы одурачили, это нормально, она же долбаная психопатка! Она же не в себе! Ваши маленькие тесты ни хера меня не впечатлили! Вообще!

Кларк делает шаг вперед.

– Не называй меня психопаткой. – Голос ее абсолютно спокоен.

– Да ты такая и есть! – кричит Дженет. – Ты больна! Безумна! Вот почему ты здесь, внизу! Им нужно, чтобы ты была больна, они зависят от твоего психоза, а ты уже настолько с катушек съехала, что сама этого не замечаешь! Прячешь все под этой... своей маской, сидишь там, как медуза, мазохистка, размазня, и принимаешь все, что тебе скамливают... просишь этого...

«А ведь так и было, – понимает Кларк, сжимая кулаки. – И это самое странное».

Баллард начинает отступать, Лени медленно приближается, шаг за шагом.

«Только здесь, внизу, я поняла, что могу дать отпор. Что могу победить. Этому научил меня рифт, а теперь и Баллард...»

– Спасибо, – шепчет Кларк и со всего размаху бьет напарницу в лицо.

Та отлетает назад, наталкивается на стол. Лени спокойно идет вперед, в сосульке зеркала виднеется ее отражение; линзы на глазах словно сияют.

– О господи, – хныкает Баллард. – Лени, извини меня.

Кларк становится над ней.

– Не стоит.

Она видит себя словно какую-то развернутую схему, где каждая деталь аккуратно поименована.

«Вот тут определенное количество злости. А здесь – ненависти. Столько всего, что хочется выплеснуть на другого».

И смотрит на Баллард, съезжившуюся на полу.

– Думаю, я начну с тебя.

Но ее терапия заканчивается, и Лени не успевает даже разогреться. Кают-компанию наполняет неожиданный шум, пронзительный, размеренный, смутно знакомый. Кларк только через несколько секунд вспоминает, что же издает этот звук, а потом опускает ногу.

В рубке раздается звонок телефона.

* * *

Сегодня Дженет Баллард отправляется домой.

Уже полчаса скаф все глубже погружается в полночную тьму. Теперь на мониторе видно, как он огромным распухшим головастиком устраивается в стыковочном агрегате «Биб». Эхом отражаются и умирают звуки механического совокупления. Люк в потолке откидывается.

Замена Баллард спускается по лестнице, уже в гидрокостюме, смотрит вокруг непроницаемыми глазами без зрачков. Перчатки костюма сняты, рукава расстегнуты до предплечья. Кларк замечает тонкие шрамы, бегущие вдоль запястий, и еле заметно улыбается. Про себя.

«Интересно, а ждет ли там, наверху, еще одна Баллард, на случай, если бы не справилась я?»

Позади, дальше по коридору, с шипением открывается люк. Появляется Дженет с единственным чемоданом, уже без костюма и с заплывшим глазом. Она, похоже, собирается что-то сказать, но останавливается, когда видит вновь прибывшего, смотрит на него какое-то время, потом едва заметно кивает и забирается в брюхо машины, не произнеся ни слова.

Команда скафа с ними не разговаривает. Никаких приветствий, никакой воодушевляющей болтовни. Возможно, их проинструктировали на этот счет, а может, они все сообразили сами. Шлюз с гулом захлопывается. Лязгнув на прощание, челнок отваливает от станции.

Кларк пересекает кают-компанию и смотрит в камеру. Потом протягивает руку за раму, усеянную осколками, и вырывает провод питания из стены.

«Нам это больше не нужно», – думает она, зная, что где-то там, далеко отсюда, с ней согласились.

Лени и новенький осматривают друг друга мертвыми белыми глазами.

– Я Лабин, – в конце концов произносит он.

Уборка дома

«Итак. Говорят, ты у нас любишь бить людей».

Лабин стоит перед ней, вещмешок лежит у его ног. Славянская внешность; темные волосы, бледная кожа, лицо, выструганное неумелым плотником. Единая густая бровь отбрасывает тень на глаза. Невысокий – около ста восьмидесяти сантиметров, но плотный.

«По виду похоже».

Шрамы. Не только на запястьях, но и на лице. Еле заметная паутинка старых травм. Слишком тонкие для украшения, даже если у Лабина есть склонность к подобного рода забавам, но слишком очевидные для работы восстановителей; медицинские технологии научились стирать подобные следы десятилетия назад. Если только... Если только повреждения не были действительно чудовищными.

«Это так? Что-то давным-давно сжевало твое лицо до кости?»

Лабин наклоняется, берет сумку. Скрытые линзами глаза не выдают ничего.

«Я знавала немало людей, которым нравилось бить других. Тыходишь. Вроде бы».

– Есть указания, какую каюту мне занять? – спрашивает он. Странно слышать, что такой почти приятный голос исходит от такого лица.

Кларк качает головой.

– Моя вторая справа. Бери любую другую.

Он проходит мимо. Кинжалы зеркальных осколков торчат по краям дальней стены; расколотый образ новичка исчезает в коридоре за спиной Лени. Она подходит к зазубренной поверхности. «Однажды мне придется здесь убраться...»

Ей нравится, как преобразилось зеркало после вмешательства Баллард. Почему-то нынешние головоломные отражения казались более творческими. Импрессионистскими. Теперь же начали утомлять и они. Возможно, настала очередь для следующего изменения.

Часть Кена Лабина разглядывает ее со стены. Не думая, Лени вонзает кулак в стекло. Поток осколков звенит, барабанил по полу.

«Ты очень похож на того, кому нравится бить людей. Только попробуй. Ну давай, сука, только попробуй».

– О, – произносит Лабин, стоя у нее за спиной. – Я...

На стене еще остались куски зеркала; лицо Кена ничего не выражает. Кларк поворачивается к нему.

– Прости, что напугал тебя, – тихо извиняется Лабин и уходит.

И ему вроде бы действительно жаль.

«Так. Значит, тебе не нравится бить людей. – Кларк прислоняется к переборке. – По крайней мере, такие, как ты, мне не попадались».

Она даже не уверена, откуда знает об этом. Между ними отсутствует какая-то важная химия. Лабин – очень опасный человек. Но только не для нее.

Лени улыбается про себя.

«Когда кого-то бьешь, тебе не нужно извиняться. Пока не становится слишком поздно, конечно».

* * *

Она так устала делить каюту с самой собой. Но перспектива пригласить кого-то в гости нравится ей еще меньше.

Кларк лежит на койке и рассматривает свое тело. С противоположной стены на нее холодно взирает двойник. Спутанная топография выступающей переборки, в которой отражается ее лицо, похожа на захламленный стол, поставленный набор.

Камера позади зеркала должна видеть то же, что и она, только с искажением пропорций по краям. Кларк размышляет о широкоугольной линзе; в Энергосети не оставили бы без внимания углы комнаты. Какой толк от эксперимента, если не можешь следить за подопытным животным?

Она размышляет о том, наблюдают ли за ней прямо сейчас. Скорее всего, нет; ну, по крайней мере, с той стороны нет людей. У них наверняка есть какая-то машина, неумолимая и беспристрастная, она с неусыпным вниманием следит за тем, как Лени работает, сидит на унитазах или раздевается. Она запрограммирована позвать кого-нибудь из плоти и крови, только если объект на экране выкинет какой-нибудь трюк.

Интересное? А кто определяет этот параметр? Точно ли он соответствует природе эксперимента, или кто-то со стороны настроил автомат по своим личным вкусам? Раздевается ли кто-то там вместе с Лени?

Она ворочается на кровати и смотрит в переборку у изголовья. Макаaronный пучок оптических волокон вырывается из пола рядом с койкой и ползет по стене, исчезая в потолке; сейсмические линии передачи, протянутые в рубку. Отверстие кондиционера обдувает воздухом щеку, правда, только с одной стороны. Позади него металлическая радужка ловит полосы света, разбитые решеткой, она готова сфинктером сжаться в тот момент, когда перепад давления превысит некое критическое количество миллибар в секунду. «Биб» – это особняк со множеством комнат, причем каждая из них может самоизолироваться в случае экстренной необходимости.

Кларк лежит на койке и достает пальцами до палубы. Катушка телеметрии на полу почти высохла, тонкие ручейки соли коркой покрывают ее поверхность, пока испаряется морская вода. Это базовая модель широкого профиля, усеянная кучей сенсоров: сейсмических, температурных, потоковых, регистрирующих обычные сульфаты и органику. Их головки уродуют корпус прибора, словно шипы на булаве.

Вот потому он здесь и стоит.

Лени смыкает пальцы вокруг ручки, поднимает катушку с палубы. Тяжелая. В воде она плавает, естественно, но, согласно спецификациям, в воздушной среде весит девять с половиной килограммов. Основной вес приходится на очень прочный корпус, работающий под давлением. Активный гейзер при пятистах атмосферах, и тот не смог бы причинить ей вред.

Может, это и несколько чрезмерно, применять такую штуку против одного вшивого зеркала. В конце концов, Баллард работала голыми руками.

«Странно, что они не сделали их ударопрочными. Но удобно».

Кларк встает, берет блок. Отражение смотрит на нее; его глаза, чистые, но не пустые, кажется, чем-то удивлены.

* * *

– Мисс Кларк? С вами все в порядке? – Это Лабин. – Я слышал...

– Все прекрасно, – говорит она задраенному люку. По всей каюте рассыпано стекло. Один упрямый осколок с полметра длиной висит в раме шатающимся зубом. Лени протягивает руку

(куски зеркала падают с бедер) и стучит по нему. Тот падает на палубу и разбивается. – Убираюсь по дому.

Лабин ничего не отвечает, и она слышит, как его шаги удаляются по коридору.

Похоже, с ним все будет нормально. Прошло уже несколько дней, и Кен честно держит дистанцию. Между ними нет никакой сексуальной химии, ничего, что заставило бы их вцепиться друг другу в горло. Непонятно, что он сделал с Ланой Чунг, что вообще между ними произошло, но тут этого явно не случится. Предпочтения Лабина крайне специфичны.

Коли на то пошло, предпочтения Кларк тоже.

Она встает, голова склонена, чтобы не врезаться в металлическую накипь на потолке. Под ногами хрустит стекло. Обнаженная переборка за зеркалом масляно блестит во флуоресцентном свете; ребристое серое лицо всего лишь с двумя выдающимися чертами. Сферическая линза размером меньше ногтя заботливо скрыта в одном из верхних углов. Кларк вытягивает ее из паза и секунду держит, зажав указательным и большим пальцами. Крохотный стеклянный глаз. Она бросает его на светящуюся палубу.

На переборке есть название, проштампованное на ребрах сплава: «Хансен Фабрикейшн».

С тех пор как Лени прибыла сюда, она в первый раз видит хоть какой-то бренд, если не считать символа Энергосети, красовавшегося на плече каждого гидрокостюма. Почему-то это кажется странным. Она проверяет световую дорожку, бегущую по потолку: белая и без надписей. Аварийный гидрокс¹² в углу, рядом с люком: дата проверки Минтранспорта, спецификация, но никакой марки производителя.

Она не понимает, следует ли придавать этому значение.

Наконец одна. Люк задраен, наблюдение закончилось – даже ее собственное отражение разбито без всякой надежды на поправку. Забравшись в брюхо станции, Кларк впервые чувствует себя по-настоящему в безопасности, однако не знает, что с этим делать.

«Возможно, теперь я могу чуть-чуть расслабиться».

Она поднимает руки к лицу.

Поначалу Лени кажется, что она ослепла; без линз каюта становится слишком темной, стены и мебель превращаются лишь в условные тени. Она вспоминает, как постепенно, день за днем, уменьшала освещение после ухода Баллард, погружая во мрак каюту, а потом и каждый уголок на «Биб». Лабин поступал так же, хотя они никогда не говорили об этом.

В первый раз она ставит под вопрос собственные действия. Они не имеют смысла; линзы автоматически компенсируют изменения в уровне окружающего света, постоянно доносят до сетчатки один и тот же оптимальный уровень интенсивности. Зачем жить во тьме, которую даже не воспринимаешь?

Она слегка увеличивает освещение; в каюте становится светлее. Глаза коробит от ярких цветов, выделяющихся на сером фоне. Гидрокс флуоресцирует оранжевым; датчики подмигивают красным, синим и зеленым; ручка на ящике в переборке – как желтый восклицательный знак. Лени уже не помнит, когда в последний раз обращала внимание на цвет; линзы извлекают из темноты даже самые слабые изображения, но весь спектр теряется в процессе. Только сейчас, с зажженным светом, краски вновь властно заявляют о себе.

Ей это не нравится. Здесь они кажутся грубыми и неуместными. Кларк снова вставляет линзы, уменьшает яркость, возвращая обычное мерцание. Переборка меркнет до привычной синей постели.

«Тем лучше. А то так можно и беспечной стать».

¹² ¹ *Гидрокс* – кислородно-водородная смесь (в русском обозначении КВС), предназначенная для глубоководных погружений. Поскольку в смеси нет азота, то исключается токсичное и наркотическое воздействие газа. Правда, на очень больших глубинах начинает действовать так называемый водородный наркоз.

Через пару дней «Биб» будет кишеть командой. Кларк не хочет привыкать к тому, что придется выставлять себя напоказ.

Рим

Неотения¹³

Поначалу оно не походило на человека. Даже не казалось живым. Скорее выглядело как куча грязных тряпок, которую кто-то бросил у подножия пилона, рядом с отелем «Камби». Джерри Фишер и не взглянул бы на него лишний раз, если бы поезд наземки не просвистел над головой, выбрав подходящий момент, и сегментированные полосы света стробоскопами не ударились о землю.

Он пристально взглянул на кучу и увидел глаза, сверкающие в тени.

Джерри не сдвинулся с места, пока поезд не скользнул прочь. Мир снова вернулся к грязноватым приглушенным краскам. Тротуар. Полосы кудзу¹⁴ над дорогой, серые и задыхающиеся из-за постоянных брызг бетонной крошки. От облачных гряд слабо отражались неон и лазеры реклам.

И вот это создание с глазами, куча грязных тряпок, прислонившаяся к столбу. Мальчик. Маленький мальчик.

«Так поступаешь, когда действительно кого-то любишь», – частенько говорила Тень. В конце концов, малыш мог здесь умереть.

– С тобой все в порядке? – спросил он наконец.

Куча тряпок слегка сдвинулась и захныкала.

– Не бойся. Я тебе ничего не сделаю.

– Я потерялся, – ответил ребенок очень странным голосом.

Фишер сделал шаг вперед:

– Ты беженец?

Ближайшая зона для беженцев находилась в ста километрах отсюда и хорошо охранялась, но иногда кто-нибудь оттуда все-таки удирал.

Глаза покачнулись из стороны в сторону: нет.

«Хотя что еще он мог сказать? Может, боится, что я отправлю его назад».

– А где ты живешь? – спросил Джерри и наклонился поближе, чтобы услышать ответ.

– В Орландо.

Ни намек на азиатский или индийский акцент. В детстве мать всегда говорила Джерри, что несчастья равнодушны к цвету кожи, но сейчас он имел свое мнение на этот счет. Речь мальчика выдавала в нем американца. Не беженец, получается. Значит, скорее всего, его будут искать.

Что, на самом деле, было слишком...

«Хватит».

– Орландо, – громко повторил Фишер. – А ты действительно потерялся. Где твои мама и папа?

– В отеле. – Грязная куча отделилась от пилона и шаркнула ближе. – В «Ванкиэтле».

Слова больше походили на полусвист, словно мальчик говорил сквозь забытые пазухи. Может, у него была эта, как его – Фишер поискал слово – волчья пасть или что-нибудь в этом духе.

– В «Ванкиэтле»? А в котором?

¹³ ¹ *Неотения* – 1) сохранение детских и юношеских черт во взрослой особи; 2) эволюционные изменения, в ходе которых вид достигает половой зрелости, находясь на личиночной стадии или любой другой неполовозрелой стадии онтогенеза предкового вида.

¹⁴ ² *Кудзу, кудцу* – волокнистое пищевое, лекарственное и кормовое растение из рода пуэрария семейства бобовых.

Мальчик пожал плечами.

– У тебя часы есть?

– Потерял.

«Ты должен помочь ему», – сказала Тень.

– В общем, так, слушай. – Фишер потер виски. – Я живу тут, рядом. Можем позвонить оттуда.

«Ванкиэтлов» в нижней части материка не так уж много. Полиция ничего не выяснит. А даже если и выяснит, они не станут обвинять его. Не за это. Что ему было делать? Оставить мальчика, чтобы того разобрали на органы?

– Я Джерри, – представился Фишер.

– Кевин.

Выглядел парень то ли на девять, то ли на десять лет. В общем, казался достаточно взрослым, чтобы знать, как пользоваться общественным терминалом. Но было в нем что-то неправильное. Слишком высокий и тощий, он путался в ногах, пока шел. Может, у него повреждение мозга? Может, он был из тех наномладенцев, с которыми все пошло не так? А может, его мать, беременная, слишком много времени проводила на улице.

Фишер привел Кевина в свою двухкомнатную съемную квартиру. Мальчик рухнул на кровать, даже не спросив разрешения. Джерри проверил холодильник: рутбир. Гость взял стаканчик, нервно улыбнулся. Фишер сел рядом с ним и, успокаивая, положил руку ему на колено.

Лицо парня окаменело, всякое выражение исчезло с него, словно из бродяги вытащили пробку.

«Давай», – сказала Тень. Он ведь не жалуется?

Одежда Кевина была нечистой. Запекшаяся грязь облепила штаны. Фишер принялся отколупывать ее.

– Тебе надо все снять. Помыться. Душ работает только по четным дням, но можно обтереть тело губкой...

Кевин просто сидел, не двигаясь. Одна рука обхватила стаканчик, костлявые пальцы вонзились в пластик; другая неподвижно лежала на кровати.

Фишер улыбнулся:

– Все в порядке. Так поступают, когда действительно...

Мальчик уставился в пол, дрожа.

Джерри нашел молнию на ширинке, потянул. Нежно нажал.

– Все хорошо. Все в порядке. Не волнуйся.

Кевина перестало трясти. Он посмотрел вверх.

И улыбнулся.

– Тут не мне надо беспокоиться, урод, – произнес он свистящим детским голосом.

Удар отбросил Фишера на пол. Неожиданно для себя он уставился в потолок, пальцы дергались, а руки волшебным образом превратились в мертвый груз. Вся его нервная система светилась ажурным узором утопленных в плоть проводов под высоким напряжением.

Мочевой пузырь расслабился. Влажная теплота растеклась от промежности.

Кевин переступил через него и посмотрел вниз, всякий намек на неуклюжесть исчез из его движений. В одной руке он держал пластиковый стакан, в другой – электрошокер.

Неторопливо и демонстративно мальчик перевернул стакан. Фишер смотрел за тем, как жидкость змеей потекла вниз, словно ненамеренно, и разлилась по его лицу. Глаза зашипало: от потока слабой кислоты бродяга превратился в костистое размытое пятно. Джерри попытался моргнуть, потом еще раз, и наконец ему это удалось.

Одна из ног Кевина согнулась в колене.

– Джеральд Фишер, вы арестованы...

Нога распрямилась. В боку Фишера комом взорвалась боль.

Назад. Вперед. Боль.

– ...согласно статье сто пятьдесят один и сто пятьдесят два Североамериканского тихоокеанского уголовного кодекса.

Ребенок встал на колени и пристально посмотрел ему в лицо. На таком близком расстоянии все признаки бросались в глаза: глубина взгляда, размер пор на коже, пластичная упругость взрослой плоти, пропитанной андрогенными ингибиторами.

– Не говоря уже о нарушении очередного судебного запрета, – добавил Кевин.

«Сколько...» – совершенно равнодушно подумал Фишер.

От нервного шока весь мир словно окутала кисея. Сколько месяцев понадобилось, чтобы из взрослого снова превратиться в ребенка?

– Вы имеете право... да какого, собственно, хрена...

И сколько понадобится, чтобы обратить процесс вспять? Сможет ли Кевин снова вырасти?

– Ты знаешь собственные права лучше меня.

Это невозможно. Полиция не зашла бы так далеко, у них нет денег, да и зачем? Зачем кому-то добровольно понадобилось вот так изменяться? Просто чтобы поймать Джерри Фишера? Почему?

– Думаю, мне надо тебя сдать, не так ли? Хотя, с другой стороны, может, лучше дать тебе полежать тут в собственной моче...

Каким-то образом он почувствовал, что Кевину сейчас хуже, чем ему. Бесмыслица какая-то.

«Все в порядке, – тихо сказала Тень. – Это не твоя вина. Они просто не понимают».

Кевин снова принялся пинать его, но Фишер едва чувствовал толчки. Он старался сказать что-нибудь, от чего его мучителю стало бы хоть немного легче, но двигательные нервы основательно поджарились.

Хотя он по-прежнему мог плакать. За слезы отвечала другая проводка.

* * *

В этот раз все было иначе. Началось все, конечно, как обычно: сканы, образцы, избивания, – но потом его вывели из строя, вымыли и поместили в боковую комнату. Двое охранников усадили Джерри за стол напротив приземистого унылого человечка с коричневыми бородавками по всему лицу.

– Привет, Джерри, – поздоровался он, притворяясь, что не заметил ран Фишера. – Я доктор Скэнлон.

– Вы психиатр.

– Скорее, механик. – Он улыбнулся, чопорно, скупно, словно говоря: «Я сейчас сказал нечто очень умное, но ты, скорее всего, слишком тупой, чтобы понять шутку».

Фишеру Скэнлон сразу не понравился.

Но типы, подобные ему, раньше всегда оказывались полезными со всей их болтовней о «компетенции» и «уголовной ответственности». Фишер уже давно понял: вопрос не в том, что ты делаешь, а почему. Если совершаешь преступления, потому что ты злой, у тебя серьезные неприятности. А если делаешь то же самое из-за болезни, доктора тебя прикрывают. Иногда Джерри научился быть больным.

Скэнлон вытащил из нагрудного кармана повязку на голову.

– Мне бы хотелось немного с тобой поговорить, Джерри. Ты не возражаешь, если мы наденем на тебя вот это?

Изнутри ленту усеивали сенсорные датчики. Они охладили лоб. Фишер осмотрел комнату, но никаких мониторов или устройств не обнаружил.

– Прекрасно. – Психиатр кивнул охранникам, подождал, пока те выйдут, и заговорил снова: – А ты странный, Джерри Фишер. Мы на таких нечасто наталкиваемся.

– Другие доктора говорят иное.

– Да? И что же?

– Они говорят, мой случай совершенно типичен. Говорят, что многие из тех, кого обвиняют по сто пятьдесят первой статье, пользуются такими же логическими обоснованиями.

Скэнлон наклонился вперед:

– А знаешь, это чистая правда. Просто классические фразы: «Я учил ее справляться с пробуждающейся сексуальностью, доктор». «Это работа родителей – воспитывать своих детей, доктор». «Им и школа не нравится, но все это для их же блага».

– Я никогда не говорил ничего подобного. У меня даже детей нет.

– Именно. Но смысл в том, что педофилы часто заявляют, будто действуют исключительно в интересах детей. Они превращают сексуальное домогательство в акт альтруизма, если ты меня понимаешь.

– Это не домогательство. Так поступаешь, когда действительно кого-то любишь.

Скэнлон откинулся на спинку кресла и какое-то время молча изучал Фишера.

– Вот чем ты интересен, Джерри.

– Чем?

– Каждый использует эти фразы. А ты единственный, кто в них действительно верит.

* * *

В конце концов они сказали, что позаботятся об обвинениях. Он понимал, что этим, разумеется, дело не закончится; они заставят его записаться добровольцем в какой-нибудь эксперимент, или стать донором органов, или согласиться на добровольную кастрацию.

Но фокус оказался в том, что ничего подобного не произошло. Он не верил своим ушам.

Ему хотели предложить работу.

– Считаю это трудом на общественных началах, – объяснил Скэнлон. – Так ты отдашь свой долг обществу. Будешь жить под водой, но с хорошей экипировкой.

– Где под водой?

– Источник Чэннера. Где-то в сорока километрах к северу от Осевого вулкана, на рифте Хуан де Фука. Ты знаешь, где это находится, Джерри?

– А долго?

– Минимум год. Сможешь продлить срок, если захочешь.

Фишер не мог представить себе причину, по которой он бы стал это делать, но сейчас это не имело значения. Если сразу не согласиться на сделку, то ему в голову посадят управленца на всю оставшуюся жизнь. Которая, если подумать, будет недолгой.

– Один год, – сказал он. – Под водой.

Психиатр похлопал его по руке:

– У тебя есть время, Джерри. Соберись с мыслями. Сегодня ничего решать не надо.

«Давай, – настаивала Тень. – Давай, сделай это, а то они взрежут тебя, и ты изменишься...»

Но Фишер не любил принимать решения впопыхах.

– Так что я буду делать целый год под водой?

Скэнлон показал ему видео.

– Господи, – пробормотал Джерри. – Я ничего такого не умею.

– Не проблема, – улыбнулся доктор. – Научишься.

* * *

И он научился.

Пока Джерри спал, происходило многое. Каждую ночь ему делали инъекцию, которая, по словам психиатра, помогала учиться. После этого машина, стоящая рядом с кроватью, скармливала ему сны. Фишер их толком не помнил, но что-то застревало в памяти, так как каждое утро он садился у консоли с учителем – настоящим человеком, не программой – и все тексты, диаграммы казались ему странно знакомыми. Словно несколько лет назад он знал о них и только недавно забыл. Теперь же вспомнил все: тектонические плиты и зоны подвига¹⁵, принцип Архимеда, термальная проводимость двухпроцентного гидрокса. Альдостерон¹⁶.

Аллопластика¹⁷.

Он помнил свое левое легкое, когда то удалили, и технические спецификации имплантированных машин.

По вечерам врачи подводили провода к телу Фишера и пронизывали поперечно-полосатые мышцы низкочастотным током. Теперь он начал понимать, что же происходит; существовал термин «индуцированные изометрические упражнения»¹⁸, и его значение пришло к нему во сне.

Через неделю после операции он проснулся в лихорадке.

– Не о чем беспокоиться, – сказал ему Скэнлон. – Это финальная стадия инфекции.

– Инфекции?

– Мы заразили тебя ретровирусом, как только ты тут появился. Не знал?

Фишер схватил доктора за руку:

– То есть болезнью? Вы...

– Она совершенно безопасна, Джерри. – Тот терпеливо улыбнулся, освобождаясь. – Там внизу без нее ты долго не протянешь: человеческие энзимы плохо работают при высоком давлении. Поэтому мы загрузили несколько дополнительных генов в прирученный вирус и запустили его внутрь. Мы переписываем тебя изнутри. Судя по твоей температуре, могу сказать, что процесс почти подошел к концу. Через день или два почувствуешь себя лучше.

– Переписываете?

– У половины твоих ферментов теперь есть две особенности. Они получили гены от глубоководной рыбы. Кажется, их называют макрурусами. – Скэнлон похлопал Джерри по плечу. – Ну и каково это, чувствовать себя отчасти рыбой?

– *Coryphaenoides armatus*, – медленно произнес Фишер.

Доктор нахмурился:

– Это что еще?

– Макрурус. – Джерри сосредоточился. – Дегидрогеназы¹⁹ по большей части?

¹⁵ ¹ *Подвиг* – одна из форм нарушенного залегания горных пород, возникающая в процессе тектонических движений. Образуется при подвигании одних масс горных пород на другие по наклонной плоскости разрыва в земной коре.

¹⁶ ² *Альдостерон* – гормон коры надпочечников, один из основных регуляторов водно-солевого гомеостаза, имеет ведущее значение в регуляции минерального обмена.

¹⁷ ³ *Аллопластика* – замещение дефектов или исправление деформаций с использованием тканей, взятых от другого человека, а также синтетических материалов.

¹⁸ ⁴ *Изометрические упражнения* – вид физических упражнений, при которых группы мускулов работают друг против друга или же против неподвижного объекта, в то время как сама конечность остается неподвижной. Такого эффекта можно добиться, например, толкая изо всех сил рукой стену. Здесь же для упражнений используют ток, заставляя противоположные группы мышц сокращаться одновременно. Тем самым Фишера приводят в форму, при этом не заставляя его соблюдать спортивный режим.

¹⁹ ¹ *Дегидрогеназы* – ферменты, катализирующие отщепление водорода от органических веществ, осуществляют первый этап биологического окисления.

Скэнлон бросил взгляд в сторону машины около кровати.

– Я... э... не уверен.

– Именно. Дегидрогеназы. Но они с ними поколдовали, уменьшили энергию активации. – Он постучал пальцем по виску. – Все здесь. Только я еще не прошел весь курс обучения.

– Здорово, – сказал доктор, но в его голосе не было и намека на радость.

* * *

Однажды его посадили в бак, больше похожий на шприц высотой в пять этажей; крышка опускалась вниз, как гигантская рука, сжимая все внутри. Они задраили люк и наполнили сосуд морской водой.

Скэнлон предупредил Джерри об изменениях.

– Мы заполним жидкостью трахею и полости в голове, но легкие и кишечник не имеют твердых стенок, поэтому они просто сплющатся. Мы провели иммунизацию против давления, помнишь? Говорят, во время этой процедуры человек словно тонет, но ты привыкнешь.

Все оказалось не так плохо. Кишки Фишера свернулись, почти склеились, а пазухи жгло адски, словно он еще раз пережил встречу с Кевином.

Джерри плавал в баке, морская вода скользила сквозь трубки в груди, и размышлял о странном неприятном чувстве, рождавшемся из-за того, что грудная клетка не двигалась, а дыхание отсутствовало.

– Есть легкая турбулентность. – Голос Скэнлона раздавался со всех сторон, как будто говорили сами стены. – Из выпускного отверстия.

Тонкая цепочка пузырей сочилась из груди Фишера. От линз все вокруг казалось невероятно четким, прямо как в галлюцинации.

– Просто немного...

Это не его голос. Слова его, но говорит кто-то другой, какая-то дешевая машина, понятия не имеющая о гармонических колебаниях. Рука инстинктивно метнулась к диску, вживленному в горло.

– ...водорода. – Он попытался снова: – Нет проблем. Давление вытолкнет его, когда я погружусь на достаточную глубину.

– Ага. Не двигайся. – Какая-то фраза, произнесенная в сторону, Скэнлон говорил с кем-то еще. Фишер почувствовал, как в груди что-то мягко вибрирует. Пузыри стали больше, потом меньше. Затем исчезли.

Доктор вернулся:

– Лучше?

– Да.

Впрочем, Фишер не мог сказать точно, что чувствует. Ему не очень нравилось, что грудь у него забита механизмами. Не нравилось дышать, расщепляя воду на водород и кислород. А больше всего выводило из себя то, что какой-то техник, с которым он никогда не встретится, командовал его внутренностями с помощью пульта дистанционного управления, залезал в тело и возился там, даже не спросив разрешения. Фишер чувствовал себя, словно его...

«Изнасиловали, да?»

Иногда Тень была такой сухой. Как будто он попал сюда не из-за нее.

– Джерри, сейчас мы отключим свет.

Темнота. Вода гудит от звука огромных машин.

Через какое-то время он заметил холодную голубую искорку, подмигивавшую ему откуда-то сверху. Казалось, она испускала гораздо больше света, чем должна была. Пока он за ней наблюдал, внутреннее пространство бака снова проявилось в туманных оттенках голубого на черном фоне.

– Светоуловители работают нормально? – поинтересовался Скэнлон.

– Угу.

– Что ты видишь?

– Все. Внутренность бака. Люк. Все какое-то голубоватое.

– Правильно. Люциферинный²⁰ источник света.

– Не слишком тут светло, – сказал Фишер. – Как будто сумерки вокруг.

– Ну, без линз ты бы вообще оказался в крошечной тьме.

И неожиданно так и произошло.

– Эй.

– Не волнуйся, Джерри. Все замечательно. Мы просто выключили свет.

Он лежал в абсолютной темноте. Поплавки извивались на краю зрения.

– Как ты себя чувствуешь, Джерри? Есть ощущения падения? Клаустрофобия?

Он чувствовал, как на него постепенно нисходит спокойствие.

– Нет. Ничего. Я чувствую себя... хорошо...

– Давление как на глубине двух тысяч метров.

– Я его не ощущаю.

А похоже, работа будет не такой уж плохой. Один год. Один год...

– Доктор Скэнлон, – произнес Фишер через какое-то время. Даже начал привыкать к металлическому жужжанию своего нового голоса.

– Я здесь.

– Почему я?

– Что ты имеешь в виду, Джерри?

– Я же, ну, вы знаете, не имел подготовки. Даже после всех тренировок, уверен, есть люди, разбирающиеся в этом гораздо лучше меня. Настоящие инженеры.

– Дело не в том, что ты знаешь, – ответил психиатр. – Дело в том, кто ты.

Фишер знал, кто он. Люди говорили ему это, сколько он себя помнил. И сейчас понятия не имел, какого такого хера это вдруг стало иметь значение.

– И кто же?

Поначалу Джерри решил, что ответа не получит. Но Скэнлон в конце концов заговорил, и в голосе его зазвучало нечто такое, чего Фишер не слышал никогда прежде.

– Ты преадаптированный, – вот что он сказал.

Лифтер

Тихий океан плескался в двух километрах под ногами. Новый груз: психопаты с пустыми глазами. Подъемником управляла огромная пицца с добавочной порцией сыра. Джоэл Кита был, мягко сказать, не в восторге.

По крайней мере, в этот раз он чего-то подобного ждал. В кои-то веки Энергосеть не стала упражняться в теории хаоса за счет его собственной жизни и предупредила обо всем заранее. Куда ветер дует, Кита понял еще за неделю до событий, когда они установили зельц на подъемник вместо Рэя Стерикера. Тот стоял вот в этом самом кокпите, наблюдая за установкой пиццы, и, похоже, размышлял о том, когда это понятие «рабочая безопасность» стало оксюмороном.

– Предполагается, что я должен с этим нянчиться целую неделю, – сказал он тогда.

Джоэл забрался в скаф для обычной предполетной проверки, а Стерикер стоял прямо у пульта управления. Рэй жестом указал вверх, сквозь открытый люк подъемника, где парочка техников налаживала связь с управлением:

²⁰ 1 Люциферинный комплекс – самый распространенный из примерно 30 известных механизмов биолюминесценции.

– На случай, если эта штука облажается прямо в поле. А потом я уйду.

– Куда?

Джоэл не мог в это поверить. Рэй курсировал по плато Хуан де Фука вечно, начал еще до геотермальной программы. Он даже был официальным наемным рабочим, когда такие вещи еще казались вполне обычными.

– Может, ненадолго отправлюсь на плиту Горда. А потом кто знает? Скоро все усовершенствуют.

Джоэл посмотрел вверх сквозь открытый люк. Техники возились с квадратной бесцветной коробкой где-то с полметра в длину и в два раза толще запястья Киты.

– И что это за херь? Какой-то автопилот?

– Не простой. Этот может взлетать и садиться. И много чего еще.

Новости не радовали. Люди всегда обрабатывали трехмерную пространственную информацию лучше машин, старавшихся их заменить. Нет, конечно, автоматы могли распознать дерево или здание, когда им на них указывали, но приходили в подлинное замешательство, когда объекты поворачивались хотя бы на несколько градусов. Формы менялись, смещались контрасты и тени, и этим арсенидовым притворщикам всегда нужно было слишком много времени, чтобы откорректировать пространственные карты и признать, что – да, это по-прежнему дерево, и нет, оно не превратилось в нечто иное, кретин, ты просто сменил угол зрения.

В некоторых областях это не представляло проблемы. На океанских просторах, например. Или на шоссе с контролируемым доступом, где у всех машин были идентификационные передатчики. Или даже на привязи у дна гигантского раздавленного пончика, заполненного вакуумом, парящего в воздушном пространстве²¹. Это была уважаемая и освященная временем среда обитания для автопилотов чуть ли не с начала века.

Но вот при взлетах и посадках картинка менялась. Слишком много реальных объектов проносилось мимо на огромной скорости, слишком много предметов, на которые приходилось смотреть. Несколько миллиардов лет естественного отбора все еще давали фору, когда скоростная полоса оказывалась настолько забитой.

Но, по всей видимости, ситуация изменилась.

– Давай выйдем отсюда.

Рэй спустился по посадочной опоре, Джоэл последовал за ним на край крыши. Зеленые спутанные покрывала кудзу⁴ раскинулись вокруг, саваном скрывая крыши окружающих зданий. Это зрелище всегда навевало Джоэлу мысли о постапокалипсисе – сорняки и плющ выползли из дикости, желая задушить останки рухнувшей цивилизации. Правда, конкретно эти растения по идее должны были ее спасти.

Вдалеке с Полосы беженцев сочились едва видимые длинные ленты дыма. «Многовато для цивилизации».

– В подъемнике установили умный гель, – наконец сказал Рэй.

– Умный гель?

– Зельц. Культивированные мозговые клетки на пластине. Такие же штуки подключали к Интернету для тотальной защиты от вирусов.

– Я знаю, что это такое, Рэй. Я просто не могу в это поверить.

– Ну так поверь. Они и за тобой придут, просто дай им немного времени.

– Да. Вполне возможно. – Джоэл принял такую возможность неохотно. – Интересно только, когда?

Рэй пожал плечами.

²¹ 1 Имеется в виду придуманный Уоттсом индустриальный подъемник, которым управляет зельц.

– У тебя еще есть пространство для маневра. Вулканы ведут себя непредсказуемо, всякие штуки взрываются прямо под носом. В общем, не вертолетом управлять. Тебя тяжелее заменить.

Он оглянулся на подъемник и на скаф, угнездившийся в его брюхе.

– Хотя времени осталось не так уж и много.

Кита выудил из кармана пластырь: трициклический антидепрессант с легким эффектом солей лития²². Протянул без лишних слов.

Рэй только сплюнул.

– Но все равно спасибо. Понимаешь, сейчас я хочу чувствовать себя расстроенным.

* * *

И теперь, восемь дней спустя, Рэя Стерикера уже нет.

Он ушел, отработав последнюю смену, буквально вчера. Джоэл попытался найти его, вытащить, подбодрить, но не смог найти на месте, а на звонки тот не отвечал. И вот Джоэл Кита снова за штурвалом, совсем один, если не считать груза: четырех очень странных людей в черных костюмах и со слепыми белыми линзами, скрывающими глаза. У всех на плечах проштамповано одинаковое лого Энергосети, а бирки с фамилиями виднелись внизу. По крайней мере, надписи на них были разными, хотя рифтеры мало чем отличались друг от друга: мужчины или женщины, большие или маленькие, они все казались вариантами одной модели или изделия. «Ах да, Мк-5 рос таким милым мальчиком. Только тихим, замкнутым. Кто бы мог подумать...»

Джоэл и раньше их видел. Месяц назад доставил парочку на «Биб», как только завершилась сборка. Одна пассажирка казалась почти нормальной, просто вся извелась, болтая и шутя, словно старалась компенсировать тот факт, что с виду походит на зомби. Кита забыл ее имя.

Вторая за весь путь не сказала ни слова.

Один из тактических дисплеев скафа запищал, выдавая текущее сообщение.

– Снова подъем дна, – крикнул Джоэл назад. – Три тысячи пятьсот. Мы почти добрались.

– Спасибо, – сказал один из них. «Фишер» – гласила бирка у него на плече. Остальные не отреагировали.

Кокпит батискафа отделял от пассажирского отсека герметичный люк. Задравив его, можно было использовать корму в качестве воздушного шлюза или даже загерметизировать при насыщенном погружении²³, если, конечно, не думать обо всей последующей мороке с декомпрессией. А можно было закрыть люк, если возникало желание остаться в одиночестве или не хотелось поворачиваться незащищенной спиной к некоторым пассажирам. Но это так невежливо. Джоэл лениво обдумал, существует ли какая-то социально приемлемая отговорка, чтобы захлопнуть этот большой металлический диск перед их лицами, но потом сдался.

А вот верхний люк, тот, что вел в кабину подъемника, был задраен наглухо, и это казалось совершенно неправильным. Обычно они держали его открытым до самой отстыковки. Рэй и Джоэл болтали о разной ерунде всю дорогу, сколько длился спуск, – три часа, если ты держал путь к Чэннеру.

²² 1 Соли лития используются при лечении психических расстройств в качестве психотропных средств с антиманиакальным спектром действия.

²³ 1 *Насыщенное погружение* – метод водолазных или имитационных погружений на глубины до нескольких сот метров с полным насыщением организма водолаза индифферентными газами (гелием, азотом) в результате длительного многосуточного пребывания в камерах гипербарического водолазного комплекса в среде дыхательных газовых смесей под давлением, соответствующим глубине погружения. Многократные выходы в воду для выполнения заданных работ в водолажном снаряжении заканчиваются только одной многосуточной декомпрессией.

Вчера, безо всякого предупреждения, Стерикер захлопнул люк уже через пятнадцать минут. Он не сказал и слова не по делу за все время, почти не пользовался интеркомом. А сегодня... что ж, сегодня наверху говорить было уже не с кем.

Джоэл посмотрел в один из боковых иллюминаторов. Оболочка подъемника загоразивала вид; металлическая ткань обтягивала ребра из углеродного волокна, серое пространство, всасываемое вогнутыми квадратами из-за пониженного давления внутри. Скаф парил в овальной пустоте, расположенной посредине подъемника. Единственный иллюминатор, в котором виднелось что-то, кроме серой оболочки, находился в полу, между ног Джоэла: океан и долгий путь вниз.

Впрочем, сейчас уже не такой долгий. Он слышал шипение и вздохи балластных мешков подъемника, сдувавшихся наверху. Более жесткие и отдаленные звуки треском доносились сквозь корпус, пока электрические дуги нагревали воздух в балансировочных сумках. Обычная работа автопилота, но Рэй всегда выполнял ее сам. Если бы не задранный люк, Джоэл и не заметил бы разницы.

Зельц прекрасно справлялся с заданием.

Кита успел глянуть на него пару дней назад во время доставки на подводную буровую рядом с гаванью Грэя. Рэй случайно ударил по задвижке, и верх коробки соскользнул прочь белой ртутью, сполз в маленькую нишу с края корпуса, открыв под собой прозрачную панель.

И там, под ней, в чистой жидкости покоился рифленый слой какой-то слизи, походившей на сыр, но слишком серой. Осколки коричневатого стекла пробивали эту липкую массу аккуратными параллельными рядами.

– Мне не разрешается открывать его вот так, – сказал тогда Рэй. – Но пусть идут на хер. Этот типчик вроде как света не боится.

– А что это за маленькие коричневые куски?

– Оксид индия и олова, нанесенный на стекло. Полупроводник.

– Господи, и что, он работает прямо сейчас?

– Даже когда мы разговариваем.

– Господи, – снова повторил Джоэл, а потом спросил: – Интересно, а как программируют такую штуку?

Рэй фыркнул:

– Не программируют. Учат. С помощью позитивного подкрепления. Прямо как ребенка, чтоб его.

Неожиданное плавное изменение скорости. Джоэл вернулся в настоящее; подъемник стабилизировался, пять метров над волнами. Прямо над целью. Естественно, на поверхности нет ничего, кроме пустого океана; передатчик «Биб» в тридцати метрах под водой. На такой глубине система самонаведения работала без проблем, а сама станция не представляла помех для навигации и не могла превратиться в перевалочный пункт для чартерных лодок, охотящихся за легендарными морскими монстрами источника Чэннера.

Зельц отправил сообщение на тактический дисплей скафа: «Запуск?»

Палец Джоэла завис над клавишей «ОК», потом впечатал ее в пульт. Защелки стыковочного механизма с лязгом открылись; подъемник швырнул Киту вместе с грузом в воду. Солнечный свет на несколько секунд украдкой проник внутрь, пока скаф болтался в упряжи. Волна с силой врезалась в передний иллюминатор.

Мир дернулся, поехал вбок и позеленел.

Джоэл открыл балластные цистерны и кинул взгляд через плечо.

– Идем вниз, народ. Ваши последние лучики солнца. Наслаждайтесь ими, пока можете.

– Спасибо, – сказал Фишер.

Остальные даже не пошевелились.

Сокрушение

Преадаптированный.

Даже сейчас, на дне Тихого океана, Фишер не понимает, что имел в виду Скэнлон.

Он не ощущает себя «преадаптированным», по крайней мере, точно не чувствует себя здесь как дома. По пути вниз с ним никто не разговаривал. Здесь вообще никто ни с кем не разговаривал, но, когда дело касалось Фишера, остальные словно не хотели с ним общаться намеренно. А один из них, Брандер... трудно утверждать наверняка из-за линз и всего остального, но Джерри кажется, тот глаз с него не спускает, словно они откуда-то друг друга знают. И выглядит это угрожающе.

Здесь, внизу, все открыто; трубы, пучки кабелей и вентиляционные каналы прикреплены прямо к переборкам у всех на виду. Он видел интерьер станции на экране перед спуском, но тогда она выглядела лучше, было полно света и зеркал. Вот, например, стена перед ним: здесь же висело зеркало. А на самом деле только серая металлическая переборка, отливающая жирным, грубым блеском.

Фишер перемещает вес тела с одной ноги на другую. На другом конце кают-компании над библиотечной базой склонился Лабин, его скрытые линзами глаза смотрят на Джерри с холодным равнодушием. За те пять минут, что они были здесь, Кен произнес лишь одну фразу:

– Кларк все еще снаружи. Она заходит внутрь.

Под полом что-то клацает. Поблизости бурлит смесь воды и гидрокса. Звук от распахнувшегося настежь люка, движение снизу.

Она взбирается в кают-компанию, капли бусинами усеивают плечи. Ниже шеи гидрокостюм окрашивает ее тело в черный цвет. Тощий силуэт, почти бесполой. Капюшон скинут; светлые волосы, облепившие череп, обрамляют невероятно бледную кожу, такую Фишер никогда раньше не видел. Рот – длинная тонкая линия. Глаза, как и его, скрытые линзами, – невыразительные белые овалы на детском лице.

Она осматривает их: Брандера, Накату, Карако, Фишера. Они глядят на нее в ответ, ждут. Есть что-то такое в лице Накаты, думает Джерри, словно она увидела что-то знакомое, но Кларк, кажется, ничего не замечает. Она будто никого из них не замечает.

Пожимает плечами:

– Я меняю натрий на втором номере. Думаю, двое из вас могут пойти со мной.

Кларк выглядит не совсем человеком. Хотя и есть в ней что-то знакомое.

«Как думаешь, Тень? Я ее знаю?»

Но та молчит.

* * *

Есть такая улица, где ни в одном из зданий нет окон. Уличные фонари льют болезненно-медный свет на массы гигантских раковин и огромных волокнисто-коричневатых тварей, выступающих из слизисто-серых цилиндров (сидячие полихеты, вспоминает он: *Riftia* чего-то-там-охеретус или что-то в этом духе). Естественные трубы вздымаются то тут, то там над беспозвоночной массой колоннами из базальта, кремния и кристаллизованной серы. Каждый раз, когда Джерри подплывает к Жерлу, в его голове появляется образ какого-то ужасающего прыща.

Лени Кларк возглавляет полет по Главной улице: Фишер, Карако, парочка грузовых «кальмаров» в отдалении. По обеим сторонам над ними склоняются генераторы. Темная завеса клубится и сверкает прямо среди дороги. Косяк маленьких рыб мелькает по краям струящегося облака.

– Проблема, – жужжит Лени, смотрит на остальных рифтеров. – Грязевой выброс. Слишком большой, его не перенаправить.

Они уже миновали восемь генераторов. Впереди осталось еще шесть, и все тонут в иле. Работа на две смены, даже если вызвать Лабина и Брандера.

Фишер надеется, что этого делать не придется. По крайней мере, не Брандера.

Лени подплывает к выбросу. Позади еле слышно ноют «кальмары», тащат инструменты. Джерри собирается с духом и следует за Кларк.

– А мы температуру не должны проверить? – раздается голос Карако. – В смысле, если он горячий?

Ему и самому это интересно. Его беспокоят такие темы с тех пор, как он подслушал разговор Накаты и Карако. Те обсуждали слухи о рифте Мендосино. Накате говорили, что туда попала очень старая мини-подлодка с плексигласовыми иллюминаторами. Карако же слышала, что те были сделаны из термоакрилата. По словам Накаты, судно заклинило прямо посередине зоны рифта. Карако же считала иначе и уверяла, что под ним взорвался гейзер.

Сходились они в одном: в том, как быстро растаяли иллюминаторы. Там даже скелеты превратились в пепел. Что не имело особого значения, поскольку каждую кость в человеческих телах расплющило внешним давлением.

По мнению Фишера, Карако явно говорит дело, но Кларк даже не удосуживается ответить, а просто всплывает в это черное сверкающее облако, где и растворяется. На месте ее исчезновения грязь светится фосфоресцирующими поминками. Рыбный косяк бросается вслед за ней.

– Иногда кажется, что ей абсолютно все равно, – тихо жужжит Фишер. – Словно неважно, умрет она или выживет...

Карако смотрит на него какое-то мгновение, а потом ныряет в сторону выброса.

Из облака гудит голос Кларк:

– Времени мало.

Напарница ныряет во взбаламученную стену со вспышкой света. Стайка рыб – Фишер только сейчас видит, что парочка из них может похвастаться изрядными размерами, – кружится в неожиданном свечении.

«Давай», – говорит Тень.

Что-то двигается.

Фишер резко поворачивается. На долю секунду перед его глазами только Главная улица, расплывающаяся вдаль.

А потом что-то большое и черное... и кривобокое появляется из-за генераторов.

– Господи. – Ноги Джерри двигаются сами по себе. – Они идут! – Он пытается крикнуть.

Вокодер сводит все звуки к какому-то карканью.

«Глупо. Глупо. Нас же предупреждали, искры привлекают маленьких рыб, маленькие привлекают больших, и если мы не будем смотреть по сторонам, то легко можем попасться им на пути».

Выброс прямо перед ним, стена осадочных пород, река на дне океана. Он ныряет прямо в нее. Что-то легонько щиплет его за икру.

Все вокруг темнеет, только вспыхивают случайные искорки. Джерри включает головной фонарь; потоки грязи сглатывают луч уже в полуметре от лица.

Но Кларк каким-то образом его замечает.

– Выключи.

– Я ничего не вижу...

– Хорошо. Может, они тоже не увидят.

Фишер вырубает фонарь. Во тьме выхватывает газовую дубинку из ножен на ноге.

В отдалении раздается голос Карако:

– Я думала, они слепые...

– Некоторые.

И у них есть другие чувства, на которые можно рассчитывать. Фишер перебирает в голове список: запах, звук, волны давления, биоэлектрические поля... Здесь, внизу, ничто не полагается на зрение. Оно – всего лишь одна из возможностей.

Джерри надеется, что выброс блокирует не только свет.

Но прямо на его глазах тьма исчезает. Черная мгла становится коричневой, затем почти серой. Слабое мерцание просачивается от прожекторов на Главной улице.

«Это же линзы, – соображает он. – Они компенсируют. Здорово».

Впрочем, далеко он все равно не видит. Словно висит в грязном тумане.

– Помни. – Кларк очень близко. – Они не такие крутые, как выглядят. И в большинстве случаев не могут нанести настоящей травмы.

Поблизости заикается сонарный пистолет.

– У меня нет никакого сигнала, – жужжит Карако.

Молочный осадок вьется со всех сторон. Фишер протягивает вперед руку, та исчезает из виду где-то на уровне локтя.

– Вот блин. – Карако.

– Что...

– У меня что-то к ноге прицепилось, господи, оно огромное...

– Лени! – Джерри кричит.

Удар сзади. Шлепок о затылок. Тень, черная и колючая, исчезает во мгле.

«Эй, а это было не так уж...»

Что-то сжимает ногу. Он смотрит вниз: челюсти, зубы, чудовищная голова, растворяющаяся в тумане.

– Черт побери...

Джерри наносит удар дубинкой по чешуйчатой плоти. Та поддается, словно желатин. Мягкий и глухой стук. Мясо вздувается, рвется; сквозь разрыв начинают вырываться пузыри.

Сзади в него врзается кто-то еще. Грудь в тисках. Он хлещет вокруг наугад. Грязь, пепел и черная кровь вздымаются к лицу.

Фишер слепо хватает, поворачивает. В руке сломанный зуб с половину его руки. Он сжимает пальцы крепче, и тот раскалывается. Джерри отбрасывает его, берется за дубинку и вонзает ее в бок твари. Еще один взрыв мяса и сжатого углекислого газа.

Грудь освобождается от давления. Вцепившееся в ногу существо не двигается. Фишер опускается ко дну, дрейфует к подножию баритового столба.

Никто на него не нападает.

– Все в порядке? – Голос Лени по вокодеру лишен эмоций. Фишер выдавливает из себя «да».

– Спасибо, Господи, за плохое питание, – жужжит Карако. – Нам бы сейчас здорово досталось, если бы эти ребята получали достаточно витаминов.

Фишер с трудом размыкает челюсти монстра, вцепившиеся в икру. Как бы ему хотелось сейчас перевести дыхание.

«Тень?»

«Я здесь.»

«А у тебя вот так все было?»

«Нет. У меня все случилось быстрее.»

Он лежит на дне и пытается закрыть глаза. Не может: гидрокостюм связан с поверхностью линз, заковывает веки в маленькие мешки.

«Прости меня, Тень. Мне так жаль».

«Я знаю. Все нормально.»

* * *

Лени Кларк стоит обнаженная в медицинском отсеке, наносит распылитель на синяки, красующиеся на ноге. Нет, не обнаженная: линзы по-прежнему на глазах. Фишер видит только кожу.

А этого недостаточно.

Струйка крови бежит по боку прямо из-под впускного отверстия для воды. Лени безучастно вытирает ее и заряжает шприц.

Ее груди маленькие, девичьи. Бугорки. Бедер нет. Тело такое же бледное, как и лицо, за исключением синяков и свежих розовых шрамов от имплантатов. Она кажется анорексичкой.

Она – первый взрослый человек, которого Фишер хочет.

Лени отрывается от дел и видит его в дверном проходе.

– Раздевайся, – говорит она и продолжает работать.

Тот расщепляет поверхность и принимается срывать с себя кожу костюма. Кларк заканчивает с ногой и вонзает иглу в порез на боку. Кровь сворачивается, как по волшебству.

– Они предупреждали о рыбах, – говорит Фишер, – но говорили, что те очень хрупкие. Говорили, мы сможем справиться с ними голыми руками, если захотим.

Лени опыляет надрез фиксатором, стирает излишки.

– Повезло, что тебе столько рассказали. – Она стягивает с вешалки гидрокостюм и проскальзывает в него. – Когда нас послали сюда, то едва упомянули даже о гигантизме.

– Но это же глупо. Они же и тогда о нем знали.

– Говорят, это единственный источник, где рыбы вырастают до таких размеров. Ну, по крайней мере, насколько известно Энергосети.

– А почему? Что тут такого особенного?

Лени пожимает плечами.

Фишер уже разделся до пояса. Кларк смотрит на него.

– Штаны тоже. Тебе же в икру вцепились, так?

Он качает головой.

– Да не стоит беспокоиться.

Она переводит взгляд вниз. Гидрокостюм всего пару миллиметров толщиной и ничего не прячет. Под ее безучастным взором эрекция спадает.

Холодные белые линзы Лени смотрят прямо ему в лицо. Фишер чувствует, как краснеет, как его бросает в жар, но потом вспоминает: она не видит его глаз. Никто не видит.

Здесь почти безопасно.

– Синяки – главная проблема, – наконец произносит Кларк. – Костюм они протыкают нечасто, но сила от укуса все равно доходит.

Твердая и профессиональная ладонь исследует края раны Фишера. Там болит, но он не возражает.

Она сворачивает крышку с тюбика анаболической мази.

– Вот. Вотри.

От контакта боль утихает. Плоть становится теплой, ее пощипывает там, где нанесено лекарство. Джерри протягивает руку, немного испуганный, и пытается дотронуться до Лени.

– Спасибо.

Та без единого слова уворачивается, склонившись, чтобы запечатать ткань. Фишер наблюдает, как штанины скользят вверх по ее ногам. Они кажутся чуть ли не живыми. Впрочем, так и есть, вспоминает он. У костюма есть рефлекс, изменяющие его проницаемость и теплопроводимость в зависимости от температуры тела. Он поддерживает – какое слово-то? – а, гомеостаз.

Сейчас Джерри смотрит, как костюм заглатывает тело Кларк, обволакивает гладкой черной амебой, темный лед вместо белизны, но женщина видна сквозь него, оставаясь самым красивым существом, когда-либо встречавшимся Фишеру на Земле. Она так далеко. Что-то внутри говорит – берегись...

«...Иди прочь, Тень...»

...но он не может совладать с собой, ведь до нее так легко дотронуться, она склонилась, застегивая ботинки, а его рука ласкает воздух над ее плечом, пробегает вдоль согбенной спины, так близко, что можно почувствовать жар тела, если бы не этот дурацкий костюм на пути, и...

И она выпрямляется, сталкивается с его ладонью. Лени поднимает голову; что-то пылает под ее линзами. Джерри отводит руку, но уже поздно. Ее тело напрягается, вытягивается струной от ярости.

«Я всего лишь коснулся ее. Я же не сделал ничего плохого. Всего лишь коснулся...»

Она делает один-единственный шаг вперед и говорит:

– Больше этого не делай.

Голос у нее такой ровный, что на секунду он задумывается о том, как бы его передал вокодер под водой.

– Я не хотел... Я не...

– Мне плевать. Больше этого не делай.

На периферии зрения кто-то движется.

– Что-то случилось, Лени? Помочь? – Голос Брандера.

Та качает головой:

– Нет.

– Ладно тогда. – Брандер кажется почти разочарованным. – Я наверху.

Опять движение. Стихающий вдали звук.

– Извини меня, – говорит Фишер.

– Не стоит, – отвечает Лени и, не касаясь его, проходит мимо, в душевую.

Автоклав

У подножия лестницы в нее чуть не врежется Наката. Кларк свирепо смотрит на нее; та отодвигается в сторону, обнажая зубы в покорной улыбке примата. Брандер в кают-компани, копается в библиотеке.

– Ты?..

– Все нормально.

Это, конечно, не так, но она работает над этим. Гнев ее далек от критической массы, всего лишь рефлекс, искорка, вырвавшаяся из главного резервуара. Когда Лени добирается до своей каюты, ей почти жалко Фишера.

«Это же не его вина. Он не хотел мне навредить».

Она захлопывает за собой люк. Сейчас можно спокойно что-нибудь ударить, если надо. Лени нерешительно оглядывается в поисках цели, а потом просто падает на койку и глазает в потолок.

Кто-то стучит по металлу.

– Лени?

Та поднимается, открывает люк.

– Привет, Лени. Слушай, у меня очень плохая связь с одним из «кальмаров». Ты не могла бы...

– Да, – кивает Кларк. – Нет проблем. Только не сейчас, хорошо, э-э-э...

– Джуди, – говорит Карако, судя по голосу слегка задетая такой забывчивостью.

– Хорошо, Джуди.

– А-а-а-а-а...

Лени изворачивается, уходит в противоположную сторону. Чуть лучше. Включает головной фонарь, брыкается так сильно, как можно. Мир из черного превращается в монолитно-коричневый. Нулевая видимость. Повсюду бурлит грязь. Кларк слышит, как где-то поблизости с треском раскалываются камни.

Луч фонаря выхватывает появившуюся на поверхности голову пласта, маячащую впереди, за секунду до того, как в нее влетает Кларк. От шока в черепе звенит, столкновение маленьким землетрясением сбегает вниз по позвоночнику. Появляется новый оттенок боли, смешивающийся со жгучим огнем в глазах. Она на ощупь огибает препятствие, продолжает движение. Ее тело кажется... теплым...

Только очень высокая температура может проникнуть сквозь гидрокостюм четвертого класса. В конце концов, он сделан для работы в условиях термальных перегрузок.

А вот линзы, с другой стороны...

Темнота. Мир снова черен и ясен. Фонарь протыкает открытое пространство, бросая трясущийся отпечаток на грязь в добрых десяти метрах.

Вид, правда, все еще рябит.

Боль, кажется, спадает. Кларк не уверена. Столько нервов кричали так долго, что даже эхо их стонов – пытка. Она хватается за голову, все еще брыкаясь, от движения разворачивается в ту сторону, откуда приплыла.

Ее тайное убежище взорвалось сплавом ила и соединений серы, бурлящих на дне. Кларк проверяет термистор: сорок пять градусов по Цельсию, а она находится на расстоянии добрых десяти метров. В восходящих потоках крутятся скелеты сварившихся рыб. Гейзер шипит дальше, невидимый отсюда.

Выброс прорвался сквозь поверхностный слой за секунду; любая плоть, пойманная извержением, сварилась бы до костей, а нечто сложное, вроде инстинкта побега, даже не успело вмешаться бы в ситуацию. Все тело Кларк бьет дрожь. Еще один.

«Повезло. Просто глупо повезло, что я была достаточно далеко. Я могла уже умереть. Я могла умереть я могла умереть я могла умереть...»

Нервы вспыхивают в грудной клетке, она сгибается. Но всхлипнуть, не дыша, не получается. И плакать с вечно открытыми, будто прищипленными, веками не выйдет. Стандартные процедуры нервной системы, запинаясь, приходят в действие после многих лет сна, только вот те части тела, над которыми они работают, изменились. Все тело проснулось в смиренной рубашке.

«Умереть умереть умереть...»

Включается маленькая отдаленная часть Лени, та, которую она припасла специально для таких случаев.

Кларк как будто смотрит на себя издалека и удивляется тому, насколько сильно реагирует. С тех пор как она попала на станцию, ей только сейчас пришла в голову мысль, что здесь можно погибнуть.

И впервые за многие годы смерть действительно что-то значит.

Водоносный слой

Когда снимаешь гидрокостюм, то словно потрошишь сам себя.

Он не может поверить, насколько сильно стал от него зависеть, как тяжело выбираться наружу. С линзами еще хуже. Фишер сидит на койке, на тонком матрасе, уставившись в задраенный люк, пока Тень шепчет: все в порядке, ты один, ты в безопасности. Проходит полчаса, прежде чем он собирается с силами и осмеливается ей поверить.

Когда он обнажает глаза, освещение в каюте оказывается таким тусклым, что почти ничего не видно. Он поворачивает выключатель, пока в комнате не устанавливается нечто похожее на сумерки. Линзы лежат на ладони, бледные и матовые в полутьме, похожие на студенистые скорлупки. Так странно моргать и не чувствовать их под веками. Он ощущает себя таким открытым.

Впрочем, иначе не получится. Часть процесса. Все дело именно в этом: открыться.

Лени в своей каюте, всего в нескольких сантиметрах. Если бы не переборка, Фишер мог бы протянуть руку и коснуться ее.

«Так поступаешь, когда действительно кого-то любишь». Так когда-то говорила Тень. Поэтому сейчас он делает все ради себя. Ради Тени.

Думает о Лени.

Иногда ему кажется, что она – единственный реальный человек на всем рифте. Остальные – роботы: стеклянные механические глаза, матово-черные роботела, выписывающие кренделя в запрограммированных циклах, единственная цель которых – поддерживать в рабочем состоянии другие, большие машины. Даже имена их звучат механически. Наката. Карако.

Но не Лени. Внутри ее костюма кто-то есть, ее глаза кажутся стеклом, но на самом деле это не так. Она настоящая. Фишер знает, что может ее коснуться.

Конечно, именно поэтому он постоянно лезет в неприятности. Продолжает ее касаться. Но Лени изменится, если только он сможет пробиться к ней. Она больше похожа на Тень, чем все остальные в его жизни. Хотя Кларк, конечно, старше.

«Не старше, чем я была бы сейчас», – мурлыкает Тень, и, может, в этом все и дело.

Его рот двигается: «Мне так жаль, Лени», – но не раздается ни звука. Тень не поправляет Джерри.

«Вот так ты поступаешь», – сказала бы она, а потом заплакала бы. Как Фишер сейчас. Он всегда плачет, когда кончает.

* * *

Некоторое время спустя Джерри просыпается от боли. Он лежит, свернувшись, на матрасе, и что-то впивается ему в щеку: маленький осколок стекла.

Зеркала.

Фишер смотрит на него, удивленный. Серебряный осколок с темно-красным наконечником, похожим на маленький зуб. В каюте зеркала нет.

Он протягивает руку, касаясь переборки позади подушки. Там Лени. Прямо с другой стороны. Но здесь, на этой стороне, есть темная линия, ободок тени, которого он раньше не замечал. Глаза следуют за ним до края стены, до провала где-то в полсантиметра шириной. То тут, то там в этом крохотном пространстве до сих пор видны небольшие обломки стекла.

Похоже, зеркало скрывало всю переборку. Вроде видеочаши слежения Скэнлона. И его не просто убрали, судя по оставшимся фрагментам. Кто-то его расколотил.

Лени. Она прошла по всей станции, прежде чем спустились остальные, и разбила все зеркала. Фишер не понимает, почему так в этом уверен, но ему кажется, что именно так поступила бы Кларк в отсутствие свидетелей.

«Может, ей не нравится смотреть на себя. Может, она стыдится».

«Иди, поговори с ней», – велит Тень.

«Не могу».

«Нет, можешь. Я тебе помогу».

Он подбирает верхнюю часть гидрокостюма. Та скользит по телу, края сплавляются посередине груди. Переступает через рукава и брюки, все еще разбросанные по палубе, нагибается за линзами.

«Оставь их!»

«Нет».

«Да».

«Я не могу, она увидит меня...»

«А разве ты не хочешь именно этого?»

«Я ей даже не нравлюсь, она просто...»

«Оставь их. Я сказала, что помогу тебе».

Джерри прислоняется к закрытому люку, глаза зажмурены, быстрое дыхание громким эхом отдается в ушах.

Вперед. Вперед.

Коридор снаружи погружен в глубокие сумерки. Фишер идет к задраенному люку в каюту Лени, касается его, боясь постучать.

Сзади кто-то хлопает его по плечу.

– Она снаружи, – говорит Брандер.

Его костюм запаян по шею, рукава и штанины на месте, герметично закрыты. Скрытые глаза пустые и тяжелые. И, как обычно, какое-то напряжение в голове, тот самый знакомый тон, говорящий: «Ну дай мне повод, урод, ну сделай хоть что-нибудь...»

Может, он тоже хочет Лени.

«Не зли его», – предупреждает Тень.

Фишер сглатывает.

– Я просто хотел поговорить с ней.

– Она снаружи.

– Ладно. Я... Я зайду попозже.

Брандер тыкает пальцем в лицо Джерри. Потом смотрит на подушечку, покрытую чем-то липким.

– Да ты порезался.

– Ничего страшного. Со мной все нормально.

– Это плохо.

Фишер старается протиснуться мимо Брандера в собственную каюту. Коридор сталкивает их вместе.

Брандер сжимает кулаки:

– Не смей меня трогать, тварь.

– Да я не... Просто пытаюсь... В смысле... – Фишер умолкает, оглядывается по сторонам.

Вокруг никого.

Вполне осознанно Брандер расслабляется.

– И, ради бога, надень линзы. Никто не хочет туда смотреть.

Он поворачивается и уходит.

* * *

Они говорят, что Лабин спит прямо там. И Лени иногда, но Кен не бывает в своей каюте с тех пор, как остальные спустились на станцию. Он не включает фонарь, держится подальше от освещенной части Жерла, и ничто его не беспокоит. Фишер слышал, как Наката и Каракко разговаривали об этом на последней смене.

А что, неплохая идея. Чем меньше времени он проводит на «Биб», тем лучше.

Станция – тусклая далекая клякса, светящаяся слева от Фишера. Там Брандер. Пойдет на дежурство через три часа. Джерри решает, что до этого лучше побыть здесь. Да ему и не нужно долго находиться внутри. Никому не нужно. Есть маленький опреснитель, приспособленный

к электролизеру, на случай, если одолеет жажда, и куча клапанов и створок, которые делают вещи, о которых ему даже не хочется думать, когда Фишер мочится или испражняется.

Постепенно усиливается голод, но можно подождать. Тут ему хорошо, пока никто его не атакует.

Брандер не оставит его в покое. Фишер не может понять, что тот имеет против...

«О да, ты все понимаешь», – говорит Тень.

...но этот взгляд ему знаком. Брандер жаждет, чтобы Джерри облажался по-крупному.

Остальные держатся в стороне. Нервная и беспокойная Наката вообще старается никому не попадаться на глаза. Каракко ведет себя так, словно ее совершенно не беспокоит даже перспектива свариться заживо в гейзере. Лабин просто сидит там, уставившись в пол, таясь и тлея. И Брандер к нему не суется.

Остается Лени. Холодная и далекая, как горная вершина. Нет, Фишеру они не помогут. Поэтому, когда доходит дело до выбора между множеством чудовищ снаружи и одним внутри, все очевидно.

На станции Каракко и Наката проводят осмотр корпуса. Их отдаленные голоса раздражающе жужжат у Фишера под челюстью. Он отключает передатчик и устраивается между выходящими на поверхность глыбами подушечного базальта.

Позже он так и не сможет вспомнить, когда задремал.

* * *

– Послушай, членосос. Я только что отпахал две смены от звонка до звонка, потому что ты не появился, когда должен был. А потом еще полсмены, пока искал тебя. Мы думали, ты в беду попал. Мы предположили, что ты в беду попал. И не говори мне...

Брандер толкает Фишера к стене.

– И не говори мне, – снова произносит он, – что с тобой было все в полном порядке. Даже не думай об этом.

Фишер оглядывает дежурку. Наката стоит у противоположной переборки, наблюдает, дерганая, словно кошка. Лабин с шумом роется в шкафчиках с оборудованием, повернувшись ко всем спиной. Каракко кладет на полку ласты и проходит мимо к лестнице.

– Карак...

Брандер жестко толкает его к стене.

Джуди, нога уже на нижней ступеньке, поворачивается и смотрит на них буквально секунду. На ее лице призраком мелькает улыбка.

– Не смотри на меня, Джерри, приятель. Это твоя проблема.

После чего взбирается вверх.

Лицо Брандера маячит в нескольких сантиметрах от Фишера. Его капюшон еще запаян, за исключением ротового клапана. Глаза кажутся прозрачными стеклянными шариками, утопленными в черном пластике. Он сжимает хватку.

– Ну так что, членосос?

– Мне... жаль, – заикается Джерри.

– Тебе жаль. – Брандер оглядывается через плечо, включая Накату в веселье. – Ему жаль.

Та смеется как-то чересчур громко.

Лабин гремит чем-то в шкафчике, все еще не обращая ни на кого внимания. Люк воздушного шлюза начинает поворачиваться.

– А я не думаю, – говорит Брандер, стараясь перекричать неожиданное бульканье, – что тебе действительно жаль.

Шлюз открывается. Оттуда выходит Лени Кларк, держа в одной руке ласты. Ее белые глаза окидывают взглядом комнату; на Фишере они даже не задерживаются. Без единого слова она проходит к штативу для суши.

Брандер бьет Джерри в живот. Тот складывается вдвое, задыхаясь, ударяется головой о люк. Царапает щеку о палубу. Носок Брандера почти касается его носа.

– Эй. – Голос Лени отдаленный и явно не особо заинтересованный.

– И тебе привет, Лени. Он сам напросился.

– Я знаю. – Прошла секунда. – И все же.

– На Джуди напала рыба-гадюка, пока та искала его. Она могла погибнуть.

– Возможно. – Лени как будто сильно устала. – Тогда почему Джуди не здесь?

– Я здесь, – отвечает Брандер.

Легкое Фишера снова в строю. Хватая воздух, он отталкивается от переборки. Обидчик пронзает его злым взглядом. Лабин снова в комнате, стоит в стороне. Наблюдает.

Лени посередине дежурки. Пожимает плечами.

– Что? – требует ответа Брандер.

– Не знаю. – Она бросает равнодушный взгляд на Джерри. – Ну он просто... облажался. Напортачил. Он никому не хотел причинить вреда...

Она замирает. У Фишера такое чувство, словно Кларк смотрит прямо сквозь него, сквозь корпус станции в бездну, где видит нечто, открытое только для нее. И что бы это ни было, оно ей явно не нравится.

– Да пошло все на хер. – Лени направляется к лестнице. – Не мое это дело в любом случае.

«Лени, пожалуйста...»

Брандер поворачивается к Фишеру, когда она исчезает из вида. Джерри не сводит с него взгляда. Тянутся бесконечные секунды. Кулак Брандера замирает на полпути в воздухе.

Он выстреливает так быстро, что не разглядеть. Фишер отшатывается, ударяется о трубу. Огни роем взрываются в левом глазу. Джерри пытается сморгнуть, опираясь о переборку. Все тело болит.

Брандер разжимает кулак.

– Лени – слишком хороший человек, – замечает он, расслабляя пальцы. – Лично мне наплевать, хотел ты кому-нибудь навредить или нет.

Двойник

Звуковая изоляция на «Биб» такая же, как внутри гулкой камеры.

Лени Кларк сидит на койке и слушает стены. Членораздельных слов не уловить, но неожиданный удар плоти о металл вполне различим. Теперь кто-то переговаривается тихими голосами в кают-компании. По трубе, журча, спускается вода.

Ей кажется, внизу что-то двигается.

Она прикладывает ухо к наугад выбранной трубе. Ничего. Ко второй: шипение сжатого газа. К третьей: слабое, еле уловимое эхо медленных шагов, скребущих по нижней палубе. А потом через канализацию доносится приглушенное жужжание.

Медицинский сканер.

«Это не мое дело. Их проблемы. У Брандера есть причины, а Фишер... Но он никому не хотел причинить вреда».

Фишер – никто. Жалкий, психованный урод, который не представляет проблемы ни для кого, кроме самого себя. Очень плохо, что он настолько раздражает Брандера, но жизнь вообще несправедливая штука. Никто не знает этого лучше, чем Лени Кларк. Она-то в курсе. Помнит и кулаки ниоткуда, и миллион деталек, которых даже не замечаешь, пока не становится слишком

поздно. Ей никто не помогал. Но она справилась. Иногда в качестве отвлекающего маневра срабатывал секс. А в другие моменты приходилось просто бежать.

«Он никому не хотел вреда».

Лени качает головой.

«И я тоже, сволочи!»

Звук обгоняет боль. Глухой тупой удар, словно рыба стучится в прожектор. Кровь проступает сквозь порванную кожу на костяшках, капли кажутся почти черными в отфильтрованном зрении. Покалывание кажется приятным поводом отвлечься.

На переборке, естественно, ни пятнышка.

Разговор в кают-компании прекратился. Кларк сидит, напряженная, на матрасе, посасывая руку. В конце концов звук голосов возобновляется.

Пора идти на смену с Накатой и Брандером. Кларк с сомнением осматривает каюту. Надо сделать что-то до того, как открыть люк, только Лени не может вспомнить, что именно. Глаза постоянно возвращаются к одной и той же стене, ищут какой-то предмет, которого на ней нет...

Зеркало. Лени хочется знать, как она выглядит. Странно. Она не может вспомнить, когда в последний раз испытывала такое желание. Давно она ничего подобного не испытывала. Но это не проблема. Лени просто посидит тут, пока ощущение не пройдет. Ей не нужно выходить наружу, не нужно даже вставать, пока она снова не почувствует себя нормально.

Когда сомневаешься, оставайся подальше от чужих глаз.

* * *

– Элис?

Люк задраен. Ответа нет.

– Она там. – Брандер стоит в конце коридора, позади него кают-компания. – Зашла внутрь, минут десять назад.

Кларк стучится снова, на этот раз сильнее:

– Элис? Время.

Брандер поворачивается на каблуках:

– Пойду соберу вещи.

И исчезает из виду.

Люки на «Биб» нельзя запереть из соображений безопасности. Но Кларк все равно сомневается. Знает, что почувствовала бы, если бы кто-то вошел в ее личное пространство без приглашения.

«Но она сказала, что пойдет в эту смену. А я к тому же постучалась...»

Лени крутит колесо в середине люка. Защитная печать по краю размякает и отступает. Кларк тянет диск на себя, заглядывает внутрь.

Элис Наката лежит на койке, конвульсивно подергиваясь, глаза закрыты, костюм частично содран. Жилы ветвятся от точек включения на лице и запястьях, складками спадая у светящегося сонника, стоящего на прикроватной полке.

«Она пошла поспать за десять минут до смены?»

Бессмыслица какая-то. К тому же Наката была со всеми там, внизу. С Фишером. Как можно спать после такого?

Кларк подходит ближе, изучает датчики устройства: стимулированный быстрый сон поставлен на максимум, а тревога отключена. Элис вырубилась за секунды. Господи, да при таких настройках она бы заснула в разгар группового изнасилования.

Лени одобритительно кивает:

«Хороший фокус».

С неохотой касается кнопки пробуждения. Сон истекает с лица Накаты; все сразу меняется. Азиатские глаза трепещут, а потом распахиваются, широкие и черные.

Кларк отступает, пораженная. Напарница сняла линзы.

– Пора идти, Элис, – тихо говорит Лени. – Извини, что разбудила...

И ей действительно жалко. Она никогда прежде не видела, чтобы Наката улыбалась. Было бы приятно, если бы это продлилось подольше.

* * *

Брандер запаивает в оболочку широкополосный сенсор, когда в дежурку спускается Кларк.

– Она нас догонит, – говорит Лени и поворачивается к штативу для сушки за ластами.

Прямо перед ней медотсек все еще задрен. Оттуда не просачивается никаких звуков: ни человеческих, ни механических.

– Ах да. Он все еще там. – Брандер слегка повышает голос: – И прекрасно, сучонок, пока я тут.

– Он не хо...

«Заткнись! Заткнись, дура!»

– Лени?

Она поворачивается и успевает увидеть, как падает его рука. Брандер на самом деле гораздо чувствительнее, чем кажется, иногда он сам почти забывает об этом.

Но это нормально. Ведь он тоже никому не хочет причинить вреда.

– Ничего, – говорит Кларк и берет ласты.

Брандер несет сенсор к воздушному шлюзу и там кладет его рядом с какими-то безделушками, а потом отправляет в плавание. Бульканье и лязг сопровождают их путь в бездну.

– Только...

Он смотрит на нее, и лицо его, словно вопрос, обрамляющий пустые глаза.

– А что ты так взелся на Фишера? – говорит она, почти шепчет.

«Ты же прекрасно знаешь, почему он взелся на Фишера. Это не твое дело. Держись от него подальше».

Лицо Брандера твердеет, будто застывающий цемент.

– Он – долбаный урод. Он детей трахает.

«Я знаю».

– Это кто сказал?

– Да не нужно ничего никому говорить. Я таких, как он, за километр чую.

– Как скажешь. – Кларк прислушивается к собственному голосу.

Холодный. Отстраненный, почти скучающий. Прекрасно.

– Он странно на меня смотрит. Черт, да ты видела, как он смотрит на тебя? – Металл лязгает о металл. – Если он просто дотронется до меня, убью уroda на хрен.

– Ага. Больших усилий тебе не понадобится. Он просто сидит и принимает все, что ты делаешь. Он такой... пассивный...

Брандер фыркает:

– А тебе какое дело? Он тебя бесит так же, как и всех остальных. Я видел, что произошло в медотсеке на прошлой неделе.

Воздушный шлюз шипит. Сбоку зажигается зеленая лампочка.

– Не знаю. Ты прав, наверное. Я знаю, что он такое.

Брандер распахивает люк и проходит внутрь.

Кларк задерживается, опираясь о края.

– Хотя есть кое-что еще. – Она говорит почти для себя. – Что-то... не так. Он не подходит.

– Да мы все не подходим, – ворчит Брандер. – В этом вся штука.

Лени закрывает люк. Внутри достаточно пространства для двоих, и другие рифтеры ныряют парами, но она предпочитает идти туда одна. Маленькая деталь, которую никто не комментирует.

«Никто не виноват. Ни Брандер, ни Фишер. Ни отец. Ни я. Вообще никто не виноват. Твою мать».

Воздушный шлюз наполняется водой.

Ангел

Дно светится. Трещины в камнях сверкают успокаивающими оттенками оранжевого цвета, словно горячие угли, и он знает – это признаки высокой температуры; обжигающие струйки кажутся теплыми даже сквозь костюм, термистор подпрыгивает всякий раз, когда поток дергается. Но здесь есть места, где скалы сияют зеленым. Или голубым. Он понятия не имеет, биологию за это благодарить или геохимию, но точно знает – это прекрасно. Как ночной город с вышины. Как северное сияние, которое он видел лишь раз в жизни, только ярче и четче. Изумрудный пожар.

Можно сказать, отчасти он даже благодарен Брандеру. Если бы не тот, Фишер никогда не наткнулся бы на это место. Сидел бы на «Биб» со всеми остальными, не вылезал бы из библиотеки или прятался бы в каюте, безопасной и сухой.

Но когда на станции Брандер, о безопасности можно забыть. Она оборачивается прогоном сквозь строй. Поэтому сегодня Фишер остался снаружи после окончания смены, ползал по дну океана, исследовал. И вот вдали от Жерла открыл настоящее святилище.

«Не засыпай, – говорит Тень. – Если пропустишь еще одну смену, то дашь ему повод».

«И что? Тут он меня не найдет».

«Но ты не можешь оставаться снаружи вечно. Тебе придется есть хотя бы иногда».

«Знаю я, знаю. Тише».

Он – единственный человек в мире, который видел это место. Сколько он уже тут? Сколько миллионов лет этот маленький оазис мирно сиял в ночи, карманная вселенная, существующая только для себя?

«Лени бы тут понравилось», – говорит Тень.

«О да».

Макрурус проходит в полуметре над его головой, его брюхо – головоломка отраженного света. Неожиданно рыба начинает биться; страшные судороги пробегают по ее телу. Вода вокруг нее мерцает от теплового искажения. Рыба переворачивается на бок, хвостом вниз в следе от маленького извержения. Тело бледнеет за секунды и начинает поджариваться по краям.

Четыреста восемь градусов по Цельсию – это зафиксированный температурный максимум для выбросов на рифте Хуан де Фука. Фишер размышляет о пределе, который может выдержать сополимер гидрокостюма.

Сто пятьдесят.

Он поднимается в водную толщу, просто на всякий случай. Как только донные помехи уходят, чувствуется слабое, но регулярное постукивание сонара «Биб» по внутренностям.

Это странно. На таком расстоянии сигнал не должен ощущаться, если только его не выкрутили на полную. И они бы это сделали, только если...

Он сверяется с временем.

«О нет. Только не опять».

К тому времени, как Фишер добирается до Жерла, они уже наполовину ободрали четвертый номер и просто расступились, дав ему место в очереди. Лени не хочет слушать его

извинения. Просто не хочет с ним разговаривать. Это больно, но Фишер ее не винит. Может, он скоро до нее достучится, загладит провинность. Может, они даже отправятся посмотреть на достопримечательности.

Слава богу, сейчас не дежурство Брандера. Тот на станции. Но Джерри опять хочет есть.

* * *

«Может, он в каюте сидит. А я смогу поесть и отправлюсь спать. Может...»

Он сидит прямо здесь, один в кают-компании, и свирепо смотрит, оторвавшись от тарелки, прямо на Фишера, как только тот поднимается по лестнице.

Не зли его.

«Слишком поздно. Он всегда злой».

– Я... думаю, нам надо кое-что прояснить, – пытается Джерри.

– Отвали на хер.

Фишер подходит к столу камбуза, вытаскивает стул.

– Не заморачивайся, – говорит Брандер.

– Послушай, это место и так очень маленькое. Мы должны попытаться поладить, ты меня понимаешь? Я имею в виду, это же нападение. Это незаконно.

– Ну так арестуй меня.

– А может, ты злишься не на меня. – Фишер замирает на мгновение, удивленный.

«Может, вот в чем дело».

– Может, ты перепутал меня с кем-то другим...

Брандер встает.

Но Джерри продолжает:

– Может, кто-то что-то тебе сделал, и...

Брандер целенаправленно обходит стол.

– Я тебя ни с кем не перепутал. Я точно знаю, кто ты такой.

– Нет, не знаешь, мы первый раз увидели друг друга только пару недель назад.

«Точно, ну разумеется. Я вообще ни при чем, это кто-то другой!»

– Что бы с тобой ни произошло...

– Это не твое дело, урод, и если ты сейчас скажешь еще хоть слово, то я тебя убью.

«Молчи, – умоляет Тень. – Просто уйди, ты сделаешь только хуже».

Но Фишер настаивает на своем. Неожиданно все кажется настолько ясным.

– Это был не я, – тихо говорит он. – То, что произошло... Мне очень жаль, но это был не я, и ты об этом знаешь.

На мгновение Джерри думает, что пробился. Лицо Брандера расслабляется, распускаются узлы плоти, брови чуть распрямляются вокруг безжизненных белых глаз, и Фишер видит: в этом человеке есть что-то еще помимо ярости.

Но потом он чувствует движение, это его собственная рука тянется вперед.

«Тень, нет, ты все испортишь».

Но та не слушается, она вполголоса напевает: «Не зли его не зли его не зли его...»

Именно это ты и делаешь.

Рычание зарождается где-то глубоко в горле Брандера, поднимаясь, подобно отдаленной волне, вздымающейся все выше и выше, по мере того как она мчится в сторону берега.

– ...не смей меня касаться, мразь! Никогда!

А потом все происходит невероятно быстро. Смертельно быстро.

* * *

В глазу щиплет. Потом он чувствует, как ломается корка запекшейся крови вокруг века, видит размытую линию красного света. Пытается поднести ладонь к лицу. Все болит.

Что-то холодное и мокрое, успокаивающее. Еще несколько сгустков уходит прочь.

– Н-н-н-н-н-н...

Кто-то касается его глаз. Он пытается бороться, но способен лишь слабо крутить головой туда-сюда. От этого становится еще хуже.

– Не двигайся.

Голос Лени.

– У тебя правая линза повреждена. Она может проколоть роговицу.

Джерри расслабляется. Пальцы Кларк протискиваются между веками, которые кажутся, судя по ощущениям, опухшими, будто подушки. Неожиданно на глазное яблоко что-то давит, тянет, присасывает. Чавкающий звук, и заостренные края царапают зрачок.

Мир погружается в темноту.

– Подожди, – говорит Лени. – Я включу свет.

Все вокруг по-прежнему имеет красноватый оттенок, но, по крайней мере, теперь он видит.

Фишер в собственной каюте. Кларк склоняется над ним, в ее руке виднеется кусок мерцающей влажной мембраны.

– Тебе повезло. Он бы тебе выдрал все реберно-хрящевые пластины, если бы за ними не были упакованы имплантаты. – Она куда-то бросает изуродованную линзу, берет упаковку жидкой кожи. – А так он всего лишь сломал тебе пару ребер. Множество синяков. Скорее всего, небольшое сотрясение, но для этого тебе надо посетить медотсек. А, еще я уверена, что он сломал тебе скулу.

Она словно перечисляет список покупок.

– А почему... – теплая соль заливаает рот; язык осторожно исследует пространство: по крайней мере, зубы целы, – мы не в медотсеке?

– Было чертовски сложно стащить тебя вниз по лестнице. Брандер помогать не соби-
рался. Остальные снаружи.

Она разбрызгивает пену по его бицепсу; когда та засыхает, кожу стягивает.

– Да и толку от них не было бы, – добавляет Лени.

– Спасибо...

– Я ничего не сделала. Только притащила тебя сюда.

Ему так хочется коснуться ее.

– Что с тобой, Фишер? – через какое-то время спрашивает Кларк. – Почему ты никогда не отвечаешь?

– Не работает.

– Ты шутишь? Ты хоть знаешь, насколько ты большой? Мог бы порвать Брандера, если бы стал сопротивляться.

«Тень говорит, от этого только хуже. Ты отвечаешь, и все злятся еще больше».

– Тень? – переспрашивает Лени.

– Что?

– Ты сказал...

– Я ничего не говорил...

Какое-то время она смотрит на него.

– Хорошо, – говорит наконец и встает. – Я звоню наверх и прошу замену.

– Нет. Все хорошо.

- Ты ранен, Фишер.
В его голове шепчут медицинские учебники.
– У нас внизу есть все необходимое.
– Ты неделю не сможешь работать. И больше двух пройдет, пока полностью не вылечишься.
– Они учитывали несчастные случаи. Когда планировали расписание.
– А как ты намереваешься держаться подальше от Брандера?
– Буду больше находиться снаружи. Лени, пожалуйста.
Она качает головой.
– Ты сумасшедший, Фишер. – Направляется к люку, открывает его. – Это, естественно, не мое дело. Просто не думаю...
Оборачивается снова и спрашивает:
– Тебе здесь, внизу, нравится?
– Что?
– Ты же спасаешься тут, да?
Вроде бы совершенно нелепый вопрос. Особенно сейчас. Но почему-то он таким не кажется.
– Вроде того, – наконец отвечает Джерри, в первый раз осознав это.
Она кивает, моргает, скрывая белые глаза.
– Дофаминовый приход.
– Дофа...
– Они говорят, мы подсаживаемся. На это место. Подсаживаемся... на страх, я так думаю. – Кларк слабо улыбается. – Ходит такой слушок, по крайней мере.
Фишер обдумывает новую версию:
– Нет, никакого прихода я не чувствую. Скорее, просто привык. Ты понимаешь?
– Да. – Она поворачивается и распаивает люк. – Прекрасно понимаю.

* * *

С потолка медицинского отсека вверх ногами свисает богомол с метр длиной, весь черный от хрома. Он спал с тех самых пор, как Фишер прибыл на станцию. Теперь же парит перед его лицом, суставчатые руки шелкают и ныряют вниз, как безумные палочки для еды на шарнирах. Время от времени один из датчиков механизма подмигивает красным, и Джерри чует запах жареного мяса, своей плоти. Это его несколько беспокоит. Что еще хуже, он не может пошевелить головой. Нейроиндукционное поле медстола парализовало его от шеи и выше. Он не может не думать о том, что произойдет, если фокус инструмента соскользнет, и вся эта тормозящая, одуряющая энергия войдет ему в легкие. Или в сердце.

Богомол замирает посредине движения, его антенны подрагивают, а потом на несколько секунд механизм полностью останавливается.

– Привет, э... Джерри, так? – наконец говорит он. – Меня зовут доктор Тройка.

Вроде бы голос женский.

– И как вы там поживаете?

Фишер старается ответить, но его голова и шея по-прежнему кажутся всего лишь кусками мертвого мяса.

– Нет, не нужно говорить, – произносит богомол. – Это риторический вопрос. Я сейчас проверяю ваши показатели.

Джерри вспоминает: медицинское оборудование не всегда может справиться собственными силами. Иногда, когда случай попадает особенно сложный, оно вызывает на подмогу человека.

– Однако! – восклицает автомат. – Что с тобой случилось? Нет, на это тоже не нужно отвечать. Я не хочу знать.

Вспомогательная рука появляется в поле зрения и мельтешит перед глазами Фишера.

– Я сейчас перегружу парализующее поле на секунду. Будет немного неприятно. Постарайся не двигаться, когда это произойдет, только отвечай на мои вопросы.

Боль заливает лицо Джерри. Это не так уж плохо. Знакомо даже. Веки кажутся шершавыми, а небо сухим. Он пытается мигнуть. Срабатывает. Закрывает рот, трет языком по опухшим щекам. Уже лучше.

– Я так понимаю, вернуться наверх ты не хочешь? – спрашивает доктор Тройка, сидя на расстоянии сотен километров. – Ты же знаешь, твои ранения настолько серьезны, что тебя можно отозвать.

Фишер качает головой:

– Все нормально. Я могу остаться.

– Угу. – Богомол не кажется удивленным. – Я последнее время часто это слышу. Ладно, я сейчас подлатаю тебе скулу и установлю маленькую батарею под кожу. Под правый глаз. Она запустит регенерацию клеток кости на повышенной скорости, ускорит процесс заживления. Она всего пару миллиметров в ширину, и тебе будет казаться, что у тебя просто появился твердый прыщик. Будет чесаться, но постарайся не трогать. А когда все заживет, сможешь выдавить ее, как угорь. Ладно?

– Ладно.

– Хорошо, Джерри. Я сейчас опять включу поле и вернусь к работе. – Богомол жужжит в предвкушении.

Фишер поднимает руку:

– Подожди.

– Что такое?

– А... который сейчас час?

– Пять десять. По тихоокеанскому летнему времени. А что?

– Рановато.

– Это точно.

– Я так понимаю, разбудил тебя, – говорит Фишер. – Извини.

– Ерунда. – Пальцы на конце механических рук рассеянно покачиваются. – Я уже долго не сплю. Ночная смена.

– Ночная?

– Мы на посту круглые сутки, Джерри. Куча геотермальных станций, ты и сам знаешь. И, как правило, вы... вы не даете нам заснуть.

– О. Извините.

– Да забудь. Это моя работа.

Сзади доносится жужжание, на мгновение Фишер чувствует, как мускулы на лице обмякают. А потом все немеет, и богомол хищником накидывается на него.

* * *

Он прекрасно понимает, что снаружи не стоит открывать костюм.

Глубина не убивает; по крайней мере, не сразу. Но в морском окружении соли гораздо больше, чем в крови; пусти ее внутрь, и осмос²⁴ высосет всю жидкость из эпителиальных клеток, высушит их до вязких маленьких капель. Почки рифтеров модифицированы для ускорен-

²⁴ 1 Осмос – самопроизвольный перенос вещества через полупроницаемую мембрану, разделяющую два раствора различной концентрации или чистый растворитель и раствор.

ной переработки воды, когда такое случается, но это не долговременное решение, и оно имеет последствия. Органы изнашиваются быстрее, моча превращается в масло. Лучше все же держать костюм запечатанным. Если внутренности слишком долго пропитываются морской средой, то их начинает разъедать, неважно, есть у тебя имплантаты или нет.

Но это еще одна из проблем Фишера. Он никогда не видит ситуацию в перспективе.

Лицевая печать – это одна макромолекула длиной пятьдесят сантиметров. Она идет по линии челюсти вперед и назад, как молния, с водоотталкивающими боковыми цепями для зубов. Крохотное лезвие на указательном пальце левой перчатки Фишера может разделить ее. Он проводит им по печати, и костюм аккуратно открывается вокруг рта.

Поначалу Джерри ничего не чувствует. Он ожидает, что океан сейчас ринется в нос и обожжет пазухи, но, разумеется, полости его тела уже заполнены изотоническим солевым раствором. Изменяется только температура: холод охватывает лицо, немного приглушает ноющую боль разорванной плоти. Та особенно сильно пульсирует под глазом, где провода доктора Тройки соединяют кости скулы; вдоль них пульсируют микротоки электричества, заставляя костестроительные остеообласты²⁵ работать по полной.

Спустя несколько секунд Фишер пытается прополоскать рот, ничего не получается, поэтому он всего лишь открывает его, как рыба, и проводит языком вокруг. Срабатывает. Он впервые чувствует вкус океана, грубый и гораздо солонее, чем вещество, закачанное в его тело.

На дне перед ним стайка слепых креветок кормится в течении от ближайшего источника. Фишер видит прямо сквозь них. Они словно маленькие стеклянные сосуды с каплями органов, покачивающимися внутри.

С тех пор как он ел в последний раз, прошло уже часов четырнадцать, но возвращаться на «Биб», пока там Брандер, – ну уж нет. В последний раз, когда Джерри попытался, тот стоял настороже прямо в кают-компании и ждал его.

«Да какого черта. Это же как криль. Люди едят такое все время».

Странное ощущение. Рот немеет от холода, Джерри различает привкус тухлых яиц, но сильно разбавленный, едва уловимый. В целом вполне неплохо. В любом случае лучше Брандера.

Когда спустя пятнадцать минут наступают конвульсии, он уже не так в этом уверен.

* * *

– Ты хреново выглядишь, – говорит Лени.

Фишер висит на перилах, оглядывает кают-компанию.

– Где...

– У Жерла. На дежурстве вместе с Лабином и Карако.

Он добирается до кушетки.

– Давно тебя не видела, – замечает Кларк. – Как лицо?

Фишер прищуривается, борясь с туманом тошноты. Лени Кларк решила поболтать. Она никогда не делала этого прежде. Он все еще пытается понять, почему, когда ударяют желудочные колики и его швыряет на пол. Сейчас уже ничего не выходит, только пара капель кислой жидкости.

Джерри следит взглядом за трубами, переплетающимися на потолке. А потом лицо Лени загораживает вид, глядя на него с огромной высоты.

– Что с тобой? – Кажется, она спрашивает из праздного любопытства.

²⁵ 1 *Остеобласты* – молодые клетки костной ткани, которые синтезируют компоненты межклеточного вещества и выделяют их через всю поверхность, что и приводит к образованию лакун, в которых они залегают, превращаясь в остеоциты (клетки костной ткани).

– Креветку съел, – отвечает он, и его снова начинает рвать.

– Ты ел... снаружи?

Лени наклоняется и ставит Фишера на ноги. Его руки волочатся по полу. Голова врезается во что-то твердое: перила лестницы, ведущей вниз.

– Твою мать, – говорит Кларк.

Он снова на полу, один. Удаляющиеся шаги. Кружится голова. Что-то прижимается к шее, колет с легким шипением.

Голова прочищается почти мгновенно.

Лени наклоняется снова, ближе, чем когда-либо. Она даже касается его, положив руку на плечо. Джерри смотрит на ее ладонь, чувствует какое-то совершенно глупое удивление, но потом Кларк резко ее отдергивает.

Кларк держит шприц. Желудок Фишера начинает успокаиваться.

– Почему, – мягко спрашивает она, – ты так глупо поступил?

– Проголодался.

– А с раздатчиком что не так?

Он не отвечает.

– О, – говорит Лени. – Ну да.

Она встает и вытаскивает использованную ампулу из инжектора.

– Так больше не может продолжаться, Фишер. Ты же понимаешь. Он тебя не видел уже две недели. Ты приходишь только тогда, когда он на дежурстве. И пропускаешь все больше своих смен, отчего твоя популярность на станции только падает. – Кларк склоняет голову, когда «Биб» начинает потрескивать вокруг. – Почему ты просто не позвонишь наверх и не скажешь им забрать тебя?

«Потому что я делал разные вещи с детьми, и, если уйду, меня вскрыют и превратят в нечто совершенно иное... Потому что там, снаружи, есть многое, ради чего хочется остаться... Из-за тебя...»

Он не знает, поймет ли она хоть одну из этих причин, и решает не рисковать.

– Может, ты сможешь поговорить с ним, – пытается Джерри.

Лени вздыхает.

– Он не послушает.

– Может, если ты попытаешься, по крайней мере...

Ее лицо грубеет.

– Я уже пыталась. Я... – Но потом она быстро останавливается и шепчет: – Я не могу встречать. Это не мое дело.

Фишер закрывает глаза. Чувствует, что сейчас заплачет.

– Он не остановится. Он меня ненавидит.

– Не тебя. Ты просто... заполняешь место.

– Почему они нас посадили вместе? Это не имеет смысла!

– Естественно, имеет. Статистически.

Фишер открывает глаза.

– Что?

Лени проводит рукой по лицу. Она кажется очень уставшей.

– Здесь мы не люди, Фишер. Мы – результаты обработки данных. Пока средние показатели в норме, а стандартное отклонение не слишком большое, неважно, что случится с тобой, со мной или с Брандером.

«Скажи ей», – говорит Тень.

– Лени...

– В любом случае, – пожав плечами, Кларк меняет настроение, – ты псих, если ешь что-то рядом с зоной рифта. О сероводороде знаешь?

Он кивает.

– Стандартный курс подготовки. Его выбрасывают источники.

– И он накапливается в бентосе. Они токсичны. Но ты уже и так об этом знаешь.

Она спускается по лестнице, но останавливается на второй ступеньке.

– Если действительно хочешь стать аборигеном, то ищи еду подальше от разлома. Или начинай охотиться на рыб.

– На рыб?

– Они больше двигаются и не проводят все время в течениях теплых источников. Они могут быть безопасны.

– Рыба...

Об этом он не подумал.

– Я сказала, могут быть.

* * *

«Тень, прости меня...»

«Тише. Только посмотри на все эти красивые огоньки».

И он смотрит. Знает это место. Он на дне Тихого океана. Вернулся в сказочную страну. Думает, что слишком часто приходит сюда, наблюдает за светом и пузырями, слушает, как где-то там, глубоко, скалы трутся друг о друга.

Может, в этот раз он останется, понаблюдает за тем, как тут все работает, но потом вспоминает, что должен быть где-то еще. Ждет, но на ум ничего не приходит. Только чувство: он должен что-то где-то сделать. Причем скоро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.